

Пожар в знаменитом храме –
лишь завет в цепи преступлений!

Л О Р А
Д Ж О
Р О У Л Э Н А
ЧЕРНЫЙ КОТ

THE
BEST
SELLER

Лора Джо Роулэнд

Черный Лотос

Серия «Сано Исиро», книга 6

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154886

Патриция Корнуэлл. Черная метка: АСТ, АСТ Москва, Хранитель,
Харвест; Москва; 2007

ISBN 5-17-039639-2, 5-9713-4379-3, 5-9762-2025-8, 978-985-13-9965-5

Оригинал: LauraRowland, "Black Lotus"

Перевод:

Надежда Парфенова

Аннотация

Пожар на территории огромного храмового комплекса, принадлежавшего буддийской секте Черного Лотоса, удалось погасить довольно быстро.

Сгорел лишь маленький домик в парке храма... Но среди руин обнаружены три трупа – мужчины, женщины и ребенка.

Невинные паломники, ставшие жертвами несчастного случая? Однако Сано становится известно, что все трое были убиты еще до пожара...

И это – лишь первый шаг в расследовании тайных деяний загадочной группы фанатиков, которым покровительствует мать самого сегуна...

Содержание

Пролог	4
1	13
2	26
3	42
4	53
5	76
6	92
7	103
8	118
9	129
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Лора Джо Роулэнд

Черный Лотос

Пролог

*Эдо, эра Гэнроку, 6-й год, 8-и месяц
(Токио, сентябрь 1693 года)*

День, принесший беду, занялся на востоке сияющей радужной каемкой. Мало-помалу темное индиго небосвода поблекло до прозрачной лазури, звезды растаяли, закатилась луна.

На фоне лесистых холмов, подернутых утренней мглой, проступили очертания храма Дзодзё, оплота буддийской секты Чистой Земли в Сибэ, что к югу от замка Эдо. Гигантская полоса земли перед ним приютила десять тысяч священников, монахов и монахинь с послушниками, для которых было возведено более сотни построек – собственность главного храма, не считая притулившихся рядом дочерних, числом около пятидесяти.

Над морем черепичных и соломенных кровель высились многоярусные шпили пагод и открытые каркасы пожарных каланчей. Район храма Дзодзё являл собой город в городе, тихий и пустынный в этот предрассветный час.

Среди безлюдного пейзажа выделялась человеческая фи-

гура, одиноко стоящая на верхней площадке каланчи. Это был молодой бритоголовый священник с круглым невинным лицом, но зорким взглядом. Его канареечно-желтое одеяние развевалось на прохладном осеннем ветру, несущем запах палой листвы и остывшей за ночь земли. С высокого помоста открывался замечательный вид на узкие улочки, огороженные строения и дворики внизу.

"Наму Амида буцу", – твердил про себя наблюдатель. "Хвала будде Амиде". Коротенькая молитва, которая должна была обеспечить повторяющим ее возрождение в священной земле, служила и более практической цели – не давала часовому заснуть и тем самым берегла храмовую общину от страшной городской напасти – пожара.

В животе у священника заурчало. Не переставая бубнить, он размял озябшие, занемевшие члены и предался мечтам о еде, ванне и теплой постели. Конец его бдения был уже близок, и он не спеша повернулся к другому концу площадки.

Оттуда открывалась панорама разгорающегося утра. Небо сменило цвет на сияюще-перламутровый, и в окрестном пейзаже проступили первые яркие краски: зелень листвы, пестрота клумб, алый глянец лакированного дерева, белизна надгробий, дымчатая синева зеркал прудиков. Первые робкие трели пробуждающихся певунов переросли в разноголосый хор. Над островерхими рельефными крышами порхали воробы, а голуби, воркуя, рассаживались по карнизам. В ясном небе на фоне розовой пены облаков пролетали вороны.

Ночь миновала благополучно, день обещал быть погожим и теплым. Едва часовой утешился этой мыслью, как его зоркий глаз выхватил нечто несообразное утренней безмятежности.

Над западным сектором застройки нависло маленькое темное облако. На глазах у священника облако стало темнеть и расползаться с угрожающей быстротой. Скоро он уловил едкий запах дыма. Лихорадочно рванув на себя веревку, свисающую с крыши каланчи, дозорный ударил в набат. Всю долину огласил гул медного колокола.

Пожар!

* * *

Навязчивый бой колокола выхватил ее из черной пропасти обморока. Оглушенная, лежала она ничком на траве, сырой и пахучей, прижавшись к ней носом и щекой. Что это за место? Ее охватила паника и тут же, следом, страшное ощущение непоправимого. Она со стоном приподнялась на локтях. Голова раскалывалась от боли, ужасно саднило ноги, пах, ягодицы и шею. Мышцы заныли. Перед глазами плыло, в горло забирался едкий густой дым. С мучительным кашлем она снова упала ничком и лежала так, пока не прошла дурнота; затем повернулась и растерянно огляделась вокруг.

Тускло-голубое небо над ней подпирали высокие сосны. Серая дымная завеса окутала каменные фонари и оранжевые лилии. Пахло гарью. Невдалеке потрескивал огонь.

Застонав, она села на пятки и тут же ощутила приступ тошноты. Гул колокола усиливал головную боль. Она попыталась приглушить его, зажав уши руками, и вдруг увидела хижину. Та стояла в двадцати шагах за красными кленами, окаймляющими пруд, – простой дом с глинобитными стенами, с окнами, забранными бамбуковой решеткой, и с затененной террасой. Его фундамент был объят пламенем, которое быстро взбиралось по стенам. Полетели черные хлопья бумаги с оконных рам. Миг – и вспыхнула кровля, взметнув тучу искр и огненных языков.

Порываясь позвать на помощь, она уже открыла рот, но тут вспомнила нечто такое, отчего перехватило дыхание, а из горла вырвался отчаянный всхлип. В голове проносились обрывки воспоминаний: грубый голос, привкус слез на губах, горящий в ночи светильник, стук и треск, яростно брыкающиеся ноги, ее бегство и руки, шарящие по ней в темноте. Но как ее занесло сюда?

Сбитая с толку, она решила поискать ответ у себя на одежде и теле. Бурое муслиновое кимоно оказалось помято, длинные черные волосы спутаны. Подошвы босых ног в пыли, под обломанными ногтями грязь. Она пыталась свести воспоминания воедино, но когда ей это почти удавалось, тут же в страхе старалась избавиться от предстоящей картины. Горящий дом излучал опасность. К саднящему от кашля горлу подступали рыдания. Она знала, что произошло, и в то же время ничего не могла себе объяснить.

Едва колокол прогудел свой призыв, как отряд священников в кожаных доспехах с ведрами, лестницами и топорами помчался по кривым улочкам храмового района Дзодзё. Черный дым поднимался над одним из дочерних храмов комплекса, обнесенного собственным земляным валом. Пожарная бригада ворвалась сквозь ворота, на балке которых красовался символ храма – черный цветок лотоса с заостренными лепестками и золотыми тычинками, заключенный в круг. Встречные монахи и послушники суетливо метались между храмовыми строениями по мощеной дороге, ведущей к главной молельне и в глубину подворья, к источнику дыма. Приютская ребятня носилась туда-сюда взволнованной галдящей стайкой. Монахини в холщовых одеяниях тщетно пытались отогнать сирот в безопасное место.

– Дорогу! – скомандовал командир огневой бригады, дюжий суроволицый священник.

Пробиваясь через толчею, он повел своих людей вокруг главного храма и мелких строений в сторону рощицы. Там, за кладбищем с каменными столбами надгробий, между сосен, проглядывало яркое пламя. Служители Черного Лотоса, выстроившись цепочкой поперек сада и галечной дорожки, передавали ведра с водой из круглого каменного колодца и выплескивали их содержимое на объятые огнем стены.

Пожарная бригада быстро приладила лестницы и принялась заливать кровлю.

– Внутри никого не осталось? – прокричал командир.

Ответа он не дождался – то ли никто не знал, то ли рев огня и людской гомон заглушили его слова. Взяв себе двух подручных, он взбежал по ступенькам террасы и отодвинул дверь. Изнутри повалил дым. Закашлявшись, пожарные направили по самые глаза щитки шлемов и через завесу ворвались в небольшую прихожую, навстречу лютomu пеклу. В доме оказались две комнаты, разделенные горящими перегородками. Со стропил сыпалась пылающая дранка. Командир ринулся в дверной проем ближней комнаты. Тесную каморку наполнял удушливый дым. На полу, в окружении смутно виднеющейся мебели, лежало чье-то тело.

– Наружу его! – приказал глава пожарных.

Когда помощники занялись пострадавшим, он бросился осматривать вторую комнату. Там уже вовсю бушевало пламя, взбираясь на стены и стелясь по татами. В лицо ударила волна жара, дым ел глаза. С порога ему удалось различить две фигуры, лежащие рядом в углу. Одна была совсем крошечная. Одежда на них полыхала. С призывом о помощи пожарный метнулся в горящий проем и кожаными рукавами прибил на несчастных пламя. Подоспевшие товарищи помогли ему вынести обмякшие тела из дома ровно за секунду до того, как крыша затрещала и рухнула.

В стороне от прочих служителей, все еще борющихся с

огнем, трое пожарных уложили два тела на земле рядом с первым. Командир жадно глотал свежий утренний воздух, все еще заходясь кашлем. Затем он вытер слезящиеся глаза и опустился подле пострадавших. Те лежали без движения – должно быть, погибли еще до их прихода.

Первое тело, обнаженное, принадлежало дородному самураю с внушительным животом. На его бритой макушке лежал узел волос с проседью. Самурая огонь не тронул, а вот других...

Командира передернуло при виде почерневших, обугленных лиц. Сквозь выжженные прорехи в ткани, прикрывающей большее из двух тел, проглядывала женская грудь. Последней жертвой был ребенок, совсем еще кроха. Спаленные волосы и остатки одеяла, в которое он был укутан, не позволили определить ни пол, ни возраст.

Горестное зрелище предстало перед подоспевшими священниками и монахинями. Раздавались потрясенные вскрики и перестук деревянных четок – читали заупокойные молитвы. Кто-то передал командиру три белых савана. Он прошептал благословение духам безвременно почивших и бережно укрыл ими тела.

* * *

Лежа за валуном, она наблюдала, как священники льют и льют воду на хижину, пока пожарная бригада разносит топо-

рами ее пылающий остов. Дым и пламя постепенно стихли. Развалины стен и стропила источали пар, воздух наполнился запахом горелого дерева. Она знала: скоро огонь погасят, но не чувствовала ни облегчения, ни охоты позвать пожарных, что ходили туда-сюда по участку, тревожно осматривая обугленные руины. Ее растерянность и страх вдруг пересилило желание бежать без оглядки.

Она привстала на локтях и коленях. Голова, гудящая от боли, закружилась, к горлу подступила тошнота. Ее скорчило в рвотном позыве, однако желудок ничего не исторгнул. Она застонала и поползла, еле волоча собственное тело, казавшееся невероятно тяжелым и неподатливым.

Дышать становилось все труднее. Нет, нельзя, чтобы ее нашли здесь. Нужно убираться. Стиснув зубы, чтобы превозмочь тошноту и боль, пядь за пядью ползла она по сырой лужайке в тенистую рощу, к задним воротам храма.

Но вот сзади слышались твердые шаги. Чьи-то сильные руки подняли ее, и она очутилась лицом к лицу с пожарным в кожаном плаще и шлеме. Его скулы были черны от сажи, покрасневшие глаза смотрели сурово.

– Что ты тут делаешь, девочка? – резко спросил он.

Под его гневным взглядом она затрепетала от страха. Слабые попытки вырваться не удались – незнакомец держал крепко. Она попыталась заговорить, но паника сжала ей горло. Сердце бешено билось. Потом на нее накатила дурнота, перед глазами померкло. Последнее, что она видела, перед

тем как потерять сознание, были расплывающиеся черты пожарного.

Найти бы теперь подходящий ответ...

1

Я пришел в этот мир зла и нечистоты

Глашатаем абсолютной истины.

Услышьте, и избавитесь от страданий,

Придете к полному просветлению.

Сутра Черного Лотоса

– На дорожке, ведущей к хижине, и вокруг нее было разлито ламповое масло, – докладывал Сано Исиро¹ военному правителю Японии, сёгуну Цунаёси из дома Токугава, сидя в комнате для частных аудиенций замка Эдо. – В кустах неподалеку пожарная бригада обнаружила глиняный горшок с остатками масла. Прочесав сад, нашли нечто вроде факела – сосновую дубину, обмотанную жженой тряпкой. Я сам осмотрел место и улики. Пожар, без сомнения, возник в результате поджога.

– Э-э, плохо дело. – Мягкое аристократическое лицо сёгуна помрачнело.

Одетый в расшитое шелком кимоно цвета бронзы и черную круглую шапочку, как подобает правителю, он нервно заерзал на своем возвышении, спиной к фреске с изображением синих рек и серебряных облаков, лицом к Сано, опустившемуся перед ним на татами.

---

¹ Здесь и далее имена приводятся так, как это принято в Японии: сначала фамилия, затем собственно имя. – Примеч. пер.

Вокруг повелителя суеились прислужники, набивая табаком его серебряную трубку, подливая sake в чашку на низком столике перед ним. Сёгун отослал их и повернулся к открытому окну, за которым алый солнечный диск повис над темнеющим садом. Снаружи доносились конское ржание, топот патрульных и приглушенная болтовня челяди.

– А я-то надеялся, что подозрения пожарной бригады, э-э, окажутся беспочвенными, – хмуро продолжил он, – и что пожар – дело случая. Вы, к сожалению, подтвердили мои худшие опасения.

Утром – вместе с новостью о случившемся – посланник принес доклад пожарной бригады, в котором утверждалось, что пожар был устроен нарочно. Храм Дзодзё был святилищем семьи Токугава, служащий местом их упокоения, поэтому любая попытка нанести ущерб как основному храму, так и любой другой постройке комплекса воспринималась как вызов самому сёгуну. Кроме того, Цунаёси, ревностный буддист и покровитель религии, был лично заинтересован в благополучии общины Дзодзё. В результате Сано было поручено расследовать причины пожара. Он уже начал дознание в храме Черного Лотоса и прибыл на аудиенцию прямо оттуда.

Затем сёгун произнес:

– Полагаю, вы уже, э-э, подтвердили имя мужчины, погибшего при пожаре?

– Да, как ни прискорбно, – ответил Сано. – Им действительно оказался Ояма Дзюсин, главный начальник полиции.

Я узнал его сразу же, как увидел.

Перед тем как стать сёсакан-самой – достопочтенным следователем сёгуната во всем, что касается его подданных, Сано служил в полицейской управе Эдо в должности ёрики – полицейского старшины. Они с Оямой работали вместе, хотя и не питали симпатий друг к другу. Урожденный вассал дома Токугава, Ояма, чья семья служила сёгунам из поколения в поколение, смотрел сверху вниз на Сано с его отцом-ронином, самураем без хозяина. Прошлой зимой Ояма получил повышение. От священников храма Черного Лотоса Сано узнал, что его бывший коллега недавно вступил в секту. В свете этих подробностей смерть чиновника представлялась уже запланированным убийством с политической подоплекой, порочащее все бакуфу, военное правительство Японии. Вот так волею судеб ответственность за поимку поджигателя легла на плечи Сано.

– Две другие жертвы пока не опознаны, – продолжал он. – Известно, что это женщина и маленький ребенок, но тела сильно обгорели и никто не знает, кто они. Сейчас на территории храма проживают четыреста двадцать посвященных мужчин и женщин, и число их увеличивается день ото дня, плюс девяносто служек и тридцать две сироты. Все как будто на месте, хотя, как мне кажется, учетные записи могли вестись задним числом, а из-за постоянной толчеи на подворьях храма нельзя проследить, кто ушел, а кто остался.

Такое случалось порой, когда секта становилась популяр-

ной среди людей, ищущих духовного руководства или новизны ритуалов. Многие адепты храма Черного Лотоса, возможно, молились или даже жили вместе, на деле оставаясь незнакомыми друг другу. В подобной ситуации отсутствие двух человек из четырехсот вполне могло остаться незамеченным.

– Э-э, столько буддийских школ развелось... Никак с ними не разобраться, – вздохнул сёгун. – Что особенного в этом Черном Лотосе?

В храме Сано достаточно ознакомился с учением секты, чтобы ответить на этот вопрос:

– Их центральный догмат заключен в сутре Черного Лотоса². Члены секты верят, что сутра Черного Лотоса есть последнее, ключевое изречение Будды, содержащее полный, совершенный и исчерпывающий закон человеческого бытия и космической целостности. Еще они верят, что те, кто постигнет мудрость, заключенную в сутре, сумеют достичь нирваны.

Видимо, сёгуна объяснение устроило.

– Вы ведь продолжите опознание мертвых женщины и ребенка? – произнес он несмело. Для диктатора Цунаёси обла-

---

² Сутра – изречение в стихотворной или прозаической форме, притча или название, в том числе относящееся к проповедям Шакьямуни, исторического Будды, жившего в Индии приблизительно тысячу лет назад. Таких сутр насчитывается более восьмидесяти четырех тысяч, и каждая освещает определенный аспект его мудрости. Различные школы создавши свои уставы, основываясь на тексте той или иной сутры. – Примеч. авт.

дал недостаточной силой воли и еще меньшей уверенностью в себе, вечно колеблясь в принятии решений из боязни показаться смешным.

– Всенепременно, – заверил повелителя Сано.

Может статься, это ускорит расследование. По причинам, касающимся законов Токугавы, Сано предпочел не докладывать о том, что отправил все три тела в покойницкую, на изучение своему другу и советнику доктору Ито.

– Да, положение наше прискорбно, – сокрушался сёгун, дымя трубкой. Один из придворных зажег ее и вложил мундштук ему в рот. – Э-э, послушать бы сейчас, что сказал бы достопочтенный канцлер Янагисава!

Упомянутый Янагисава, заместитель командующего в сёгунате, отбыл с инспекцией в провинцию Этиго со своим любовником и верным вассалом Хосиной. Их возвращение ожидалось не ранее чем через два месяца, и хотя Сано не разделял желания Цунаёси, отсутствие канцлера радовало его меньше, чем в прежние времена.

С самых первых дней знакомства Янагисава считал Сано соперником в борьбе за расположение сёгуна, то есть за власть над безвольным правителем и народом соответственно. Он всячески подрывал репутацию Сано, мешал проведению им дознаний и даже порывался убить. Однако два года назад расследование загадочной смерти придворного аристократа, произошедшее в одной из древних столиц, неожиданно сблизило их. Понимая, что возникшее перемирие недол-

говечно, Сано радовался тому, что имеет, тем более что с недавних пор судьба благоволила ему и предоставляла возможности проявить себя. Любимая семья, расположение сёгуна и интересное дело – чего еще можно желать?

– Нет ли у вас догадок по поводу виновника злодеяния? – осведомился сёгун.

– Пока нет, – ответил Сано. – Я и мои сыщики начали допрос обитателей храма Черного Лотоса, но не нашли ни свидетелей, ни подозреваемых... за единственным исключением. Пожарные обнаружили у места происшествия пятнадцатилетнюю девушку по имени Хару – сироту, живущую в храмовом приюте. Похоже, она пыталась скрыться, однако упала в обморок.

Цунаёси глотнул sake, задумчиво морща лоб.

– Так вы думаете, эта девочка, э-э, что-то видела? Или сама устроила поджог?

– Обе возможности равновероятны, – произнес Сано. – К сожалению, мне не удалось ничего от нее узнать.

Когда он попал в храм Черного Лотоса, монахини уже отнесли Хару в приютскую спальню – длинное узкое помещение, где дети ночевали на соломенных матах, уложенных поверх деревянного настила. Сано сказали, что она не приходила в себя, но, едва он подошел, Хару отчаянно взвизгнула и нырнула под одеяло. Две монахини выволокли ее оттуда, и девушка тотчас вцепилась в них, сотрясаясь в рыданиях.

– Я тебя не трону, – мягко сказал Сано, усаживаясь воз-

ле постели, где монахини удерживали Хару. – Я только хочу спросить тебя кое о чем.

Та не слушала, заливаясь слезами и пряча лицо за занавесой длинных спутанных волос. Сано велел подать ей успокаивающего зеленого чая, но она отказалась пить. После часа безуспешных попыток успокоить и расспросить Хару Сано позвал своего вассала Хирату – попытать счастья вместо него. Хирата был молод, хорош собой и пользовался успехом у девушек, однако и он не преуспел. Хару принялась давиться слезами, кашлять. Потом ее вырвано. В конце концов мужчины сдались.

Покидая спальню, Сано спросил монахинь, рассказывала ли девушка кому-нибудь о том, что делала возле домика или что видела там.

– Из нее не удалось вытянуть ни слова с тех пор, как ее нашли, – ответила монахиня. – Когда священники и пожарные опрашивали ее, она вела себя точно так же. С нами Хару успокаивается, но говорить ничего не желает.

Об этом Сано и поведал Цунаёси. Тот покачал головой.

– Быть может, злой дух, э-э, похитил у бедняжки голос. Какая досада, что ваша единственная свидетельница не в состоянии отвечать!

У Сано, впрочем, был иной взгляд на поведение Хару и возможное решение проблемы.

– Завтра я испробую другой способ ее разговорить, – сказал он.

Оставив покои сёгуна, Сано спустился с холма, на котором стоял замок Эдо, пройдя каменными проулками между крытыми галереями со сторожевыми башнями и вооруженной охраной, миновал несколько застав. В синеве опускающихся сумерек фонари патрулей сияли призрачным светом. Вечер выдался по-летнему тихий, желтая, как воск, луна подернулась золотым туманом. Пахнуло дымком и сухими листьями. В чиновничьем квартале, где жили высокопоставленные вассалы сёгуна, Сано прибавил шагу, обходя чьи-то поместья, окруженные белыми стенами казарм. Ему не терпелось увидеться с семьей и сделать одно предложение.

Он вбежал в собственные ворота, поприветствовал стражу, расположившуюся у входа и в мощеном дворике внутри казарменных стен. За вторыми воротами находился дом – обширная постройка с деревянным каркасом и бурой черепичной крышей. Снимая обувь и оружие в прихожей, Сано услышал женский смех, пение и восторженный детский визг. Он шел по коридору, ведущему в жилые покои, и с улыбкой недоумевал, как одно маленькое существо могло внести в их размеренную жизнь столько переполоха.

Сано остановился у двери в детскую и просиял. В теплой, залитой светом комнате сидела его жена Рэйко в окружении четырех женщин – ее старой няни О-суги, двух служанок и Мидори, друга семьи. Все они распевали народную песенку, а маленький Масахиро – полутора лет, одетый в зеленое спальное кимоно, раскрасневшийся, с растрепанными чер-

ными волосенками – топал по кругу от одной няньки к другой и играл с ними по очереди в ладушки, вторя песне радостными вскриками.

Рэйко подняла глаза и увидела Сано. Ее тонкие милые черты озарила улыбка.

– Посмотри, Масахиро-тян, папа пришел!

Вытянув ручонки и пыхтя от волнения, Масахиро устремился к отцу; тот подхватил его, подбросил в воздух и снова поймал. Малыш залился смехом. Сано прижал сына к себе. От приятного запаха и прикосновения к маленькому тельцу у него защемило сердце, а душа исполнилась благоговения. Только в тридцать четыре года он познал радости отцовства, и это непоседливое создание казалось ему настоящим чудом.

– Мой маленький самурай, – пробормотал Сано, уткнувшись в щечку сына.

О-суги и служанки взяли таз, оставшиеся после купания Масахиро мокрые полотенца и ушли.

– Как поживаешь? – обратился Сано к Мидори.

– Спасибо, хорошо, – поклонилась Мидори.

На ее полных щеках показались ямочки, в глазах заплясали веселые огоньки. Эта восемнадцатилетняя девушка была дочерью могущественного феодала-даймё и состояла фрейлиной при матери сёгуна. Сано познакомился с ней несколько лет назад во время одного расследования. С Рэйко ее связывала крепкая дружба, а с помощником Сано, Хиратой, возможно, и нечто большее. Мать сёгуна держала большой

штат прислуги и в знак благодарности Сано часто отпускала Мидори у них погостить.

– Что-то я засиделась, – сказала Мидори, вставая. – Уже поздно, и мне пора во дворец. Завтра приходить? – спросила она Рэйко.

Та с улыбкой кивнула.

– Спокойной ночи.

Когда Мидори ушла, Сано и Рэйко еще поиграли с сынишкой, обсуждая его аппетит, здоровье и шалости. Потом Рэйко объявила: "А теперь баиньки!" – и после долгих уговоров и нытья Масахиро наконец заснул на своем маленьком футоне³.

Сано с женой устроились в гостиной. Он поужинал супом мисо, рисом и овощами с форелью, Рэйко потягивала чай, присев на подушку-валик. Из ее прически выбилось несколько прядей, взгляд потускнел от усталости, на бордовом кимоно виднелись пятна от еды. Впрочем, материнство, несмотря на его тяготы, лишь прибавило ей особой, зрелой красоты.

– Масахиро такой непоседа! Совсем меня уморил, – посетовала она.

– Тебе ни к чему так утруждать себя, – отозвался Сано, прожевав рыбу. – Пусть няньки его развлекают.

– Ничего. Зато с ним я при деле. – Рэйко улыбнулась и

---

³ Ватный тюфяк, который в японских домах заменяет кровать. Кладется на пол. – Примеч. пер.

грустно прибавила: – Здесь и заняться-то почти нечем.

В девичестве Рэйко, единственное дитя судьи Уэды, воспитывалась довольно свободно, и Сано знал об этом. Отец по доброте душевной нанял ей учителей и дал образование, обычное для сыновей самураев, предназначенных к службе при бакуфу. Однако, несмотря на годы тренировок, в том числе и в области боевых искусств, Рэйко не могла поступить на службу – женщин не допускали к административной или какой-либо другой общественной работе. Исключение составляли прислуга, крестьянки, монахини и проститутки. Только после замужества ей удалось найти применение своим способностям и опыту, помогая Сано расследовать преступления.

Она находила улики там, куда мужчинам-сыщикам путь был заказан, – собирала сведения через подруг и знакомых, связанных со знатными самурайскими кланами. То, что ей удавалось обнаружить, нередко решало исход дела. Теперь же, с появлением Масахиро, Рэйко почти все время проводила в усадьбе, посвящая себя ребенку. Об участии в сыскной работе мужа пришлось забыть.

– Что у тебя нового? – спросила она.

В ее тоне Сано уловил такое горячее любопытство, что понял: Рэйко очень скучает по головоломкам следствия. Понял он и то, что жена отчуждается от него, теряет с ним себя прежнюю, и раз он не заметил этого до сих пор, разлад не за горами. Может, если ему удастся отвлечь ее от нынешней

рутины, они опять сблизятся?

– У меня новое дело, – сказал Сано.

Поедая соленый дайкон с рисом, он рассказал о пожаре и трех жертвах, описал неудавшийся допрос Хару и произнес:

– Из того, как она вела себя с пожарными, священниками, со мной и Хиратой, я предположил, что она боится мужчин. И приказал перевести ее из приюта в главный монастырь при храме Дзодзё. Не хочу, чтобы возможный подозреваемый, то есть любой, кто состоит при храме Черного Лотоса, давил на единственную свидетельницу. Я хотел бы послать тебя в храм – опросить Хару. – Сано улыбнулся. – Других сыщиц у меня нет, на тебя вся надежда. Попробуешь? Конечно, если ты не против.

Рэйко выпрямилась. Ее глаза сияли, усталость слетела, как сброшенный плащ.

– С радостью!

– Должен предупредить: Хару может отказаться отвечать, – заметил Сано, радуясь в душе ее рвению.

– Я совершенно уверена, что сумею ее разговорить. Когда мы отправимся в этот храм? – Рэйко, казалось, была готова сорваться с места и начать собираться в дорогу.

– Завтра мне надо будет съездить в покойницкую, – удержал ее Сано, – а после опросить горожан.

Увидев разочарование на лице Рэйко, он поспешил добавить:

– Но мои сыщики утром отбудут в район храма Дзодзё.

Они тебя проводят, если надумаешь ехать.

– Отлично. Жду не дождусь!

Рэйко так и светилась счастьем, и Сано вновь увидел в ней невесту, что в день свадьбы умоляла его о позволении заняться загадочным убийством, а услышав отказ, стала действовать на свой страх и риск. В нем с новой силой вспыхнула любовь.

– Хорошо, – сказал он. – Потом, вечером, обсудим добытые сведения.

Взгляд Рэйко стал отсутствующим, словно она мысленно перенеслась в завтрашний день.

– Разговор предстоит очень важный. К этой девушке нужен тонкий подход. Расскажи мне о ней поподробнее, чтобы я решила, как себя вести.

Они принялись обсуждать возможную тактику, как делали это прежде, до появления Масахиро. Сано осознал, как ему не доставало их совместной работы, и радовался, что смог привлечь Рэйко к расследованию.

Когда я услышал закон Черного Лотоса,
Мой разум наполнился ликованием
И освободился я от забот и печалей.

Сутра Черного Лотоса

Орам Дзодзё располагался неподалеку от Токайдо, главной путевой артерии, соединяющей Эдо с имперской столицей того времени – Мияко. Паломники, странники и нищенствующие монахи стекались туда непрерывным потоком. У подножия храма выросло торжище, шумнее и многолюднее иных эдоских рынков, где торговали прохладительным, буддийскими амулетами, целебными травами, керамикой и прочим.

Этим погожим утром на рынке царила оживленная суeta. Под аквамариновым небом, раскинувшимся над зелеными от недавних дождей холмами, босоногие крестьяне и самураи-всадники пробирались от прилавка к прилавку, монахи и бонзы выпрашивали подавание. Но вот толпа расступилась, пропуская конного воина, сопровождающего черный паланкин с эмблемой – силуэтом летящего журавля.

Так, в закрытых носилках, Рэйко пронесли сквозь главные ворота Дзодзё – внушительное строение из алого лакированного дерева с двухъярусной крышей, тройная арка которого символизировала три ступени на пути к нирване. Однако

для Рэйко радость поездки была омрачена с самого начала.

Едва она собралась выйти из дома, Масахиро с плачем увязался за ней. Никогда прежде не оставлявшая сына Рэйко, обещая скоро вернуться, сама чуть не плакала. Не будь дело таким срочным, она отложила бы поездку на завтра, но разговор с Хару не мог ждать. Кончилось тем, что она выбежала за дверь, пока Масахиро держали служанки, и всю дорогу по Эдо терзалась мыслями о малыше.

Впереди показались белые стены храма. За ними высились островерхие темные крыши, несколько башен-пагод и склон, поросший лесом. Процессия перешла по мосту канал Сакурагава. Сыщики Сано спешили, паланкин пронесли через ворота по пологой каменной лестнице, ведущей в главный двор храма. Миновали хранилище сутр, молельни и гигантский бронзовый колокол на деревянной раме. За коваными оградами располагались гробницы членов дома Токугава. Людской поток тек к внушительному главному залу с ребристой крышей, покоящейся на сложной системе перекрытий, с резными колоннами и дверями. Путь подходил к концу, и в душу Рэйко закрались новые опасения.

Удастся ли ей, почти отвыкшей от сыскной работы, выудить сведения у приютской молчуньи? Всю ночь она обдумывала, что будет говорить, как поведет беседу, но так и не почувствовала себя увереннее. Впрочем, отступать было поздно. Носильщики опустили паланкин у стен двухэтажной деревянной постройки, стоящей в тени сосновой рощи.

С дрожью в руках Рэйко взяла привезенную с собой круглую коробку, обернутую в бумагу с цветочным рисунком, и выбралась из паланкина. Сыщики из ее эскорта отправились в храм Черного Лотоса вести расследование пожара. Стоявшая в дверях обители монахиня молча поклонилась. Рэйко представилась и объяснила цель своего приезда. Женщина повела ее внутрь по коридорам с выступающими стропилами и дощатыми полами. За открытыми дверями просматривались кельи монахинь – окна зарешечены, деревянные лежа, убогая утварь. Рэйко слышала приглушенные голоса обительниц, но ни одной не увидела.

– Как Хару сегодня? – спросила она.

Монахиня кисло улыбнулась в ответ. Они поднялись по лестнице. Еще один коридор. Провожатая отодвинула дверь, жестом пригласила гостью войти, поклонилась и ушла.

Не решаясь переступить порог, Рэйко оглядела каморку. Из обстановки внутри были фuton на деревянной основе, чаша для умывания, стенной шкаф и жаровня. На столике расположились плоские с сушеными листьями – по-видимому, для приготовления снадобья. У окна спиной к двери сидела на корточках девчушка в синем хлопковом кимоно с набивным узором из белых побегов плюща. Длинные блестящие волосы спадали на ее плечи. Она чуть покачивалась взад-вперед, как будто ее завожил вид ясного неба в обрамлении сосновых ветвей или увлекли раздумья.

– Хару-сан? – тихо окликнула Рэйко.

Девушка вздрогнула и резко обернулась. Личико с заостренным подбородком, широким лбом и раскосыми глазами придавало ей сходство с прелестным котенком. Рэйко даже показалось, что с ее губ слетело что-то вроде испуганного "мяу".

– Прости, что напугала тебя, – сказала Рэйко, осторожно проходя вперед. Сочувствие к девушке заглушило тревогу, и она мягко произнесла: – Не бойся. Меня зовут Рэйко. Я пришла тебя провести.

Она опустилась рядом с Хару на колени. Та ничего не сказала, но смотрела уже менее тревожно, даже с некоторым интересом. Ободренная этим, гостья продолжила:

– Вчера к тебе приходил мой муж. Он главный следователь на службе сёгуна и расследует пожар в храме Черного Лотоса...

Хару тотчас отпрянула и сжалась в комок, метнув затравленный взгляд в сторону выхода, словно ожидая найти там спасение или новую опасность.

Рэйко спохватилась, что не должна была упоминать Сано, раз Хару его боится, или так скоро переходить к теме пожара. В стремлении докопаться до истины она пренебрегла здравым смыслом – первейшим орудием следователя. Как бы то ни было, поведение Хару показало, что если не говорить, то хотя бы понимать она в состоянии.

– Сёсакан-самы здесь нет, – поспешила заверить ее Рэйко. – Обещаю, он тебя больше не потревожит.

Хару немного успокоилась, однако смотрела по-прежнему недоверчиво.

– Если тебе не хочется говорить о пожаре, ничего страшного. Для начала познакомимся. Давай дружить? – Рэйко, улыбаясь, протянула девушке сверток. – Вот, я принесла тебе подарок.

Губы Хару тронула смущенная улыбка. Ей, похоже, было не больше пятнадцати, и сверток она приняла с искренним детским любопытством. Осторожно развязав шнур и обертку, девушка открыла коробку. Внутри лежали маленькие круглые пирожные, обваленные в розовом сахаре. Хару восторженно ахнула.

– Начинка из каштанового крема, – добавила Рэйко.

Девушка вопросительно подняла глаза.

– Не бойся, попробуй!

Аккуратно вынув пирожное, Хару откусила кусочек и прожевала. Ее личико просияло блаженством.

– Нравится? – спросила Рэйко.

Хару горячо закивала.

Зная о любви всех девочек к сладостям и предположив, что сиротам они перепадают нечасто, Рэйко решила завоевать доверие Хару с помощью своего любимого лакомства и теперь поздравляла себя с успехом. Она дождалась, пока Хару съест еще несколько розовых шариков, слижет сахар с пальцев, благодарно поклонится и отставит коробку в сторону, и спросила:

– Здесь с тобой хорошо обращаются?

Хару снова кивнула.

– Как ты себя чувствуешь?

Девушка не ответила, опустил глаза и кусая ноготь. Рэйко пришлось побороть нетерпение. Время шло, с нижнего этажа доносился шорох открываемых и закрываемых дверей.

Наконец Хару прошептала:

– Благодарю вас, уважаемая госпожа, гораздо лучше.

Рэйко едва не вскочила от радости – Хару все-таки заговорила!

– Рада слышать. Прошу, зови меня Рэйко.

– Рэйко-сан, – произнесла Хару отчетливее. Ее голос оказался чистым и нежным.

Возвращаясь к теме беседы, Рэйко спросила:

– Давно ли ты живешь при храме Черного Лотоса?

Вместо ответа, как если бы ею снова овладела немота, Хару показала два пальца.

– Два года? – перевела Рэйко и после кивка девушки продолжила: – Тебе там хорошо?

– Да, очень. – Хару окинула собеседницу оценивающим взглядом. Судя по вспыхнувшей робкой улыбке, увиденное ее ободрило.

– Рада слышать, – сказала Рэйко, очарованная девушкой и возникшей между ними приятностью.

Чтобы не смущать бедняжку принадлежностью к высшему сословию, она надела скромное кимоно темно-зеленого

цвета с рисунком из шишек и сделала незатейливую прическу. Казалось, все идет как по маслу.

– А что тебе нравится больше всего?

– Ухаживать за детьми из приюта, – тихо ответила Хару. – Малыши такие милые.

– Да, я знаю, – сказала Рэйко. – У меня самой есть маленький мальчик.

– Монахини и служители очень добры ко мне, – продолжила Хару, – особенно первосвященник Анраку. Это он подобрал меня, когда я осталась одна, дал надежду на будущее. – Ее глаза загорелись верой. – До него в моей никчемной жизни не было ни смысла, ни радости...

Рэйко знала, что новые секты набирают сторонников из числа обнищавших или притесняемых горожан, подкупая их то подачками, то духовными наставлениями. Новизна ритуалов, выдающаяся личность священника, жаждущего собрать как можно больше приверженцев, зачастую приносили секте бешеную популярность, которая потом шла на спад с появлением другой такой же однодневки. Однако Черному Лотосу удалось за девять лет добиться необычайно широкого признания. Помимо слуг замка Эдо, его храмы привлекали торговцев, военачальников, родичей даймё и множество самурайских жен, знакомых Рэйко. Сама она по поводу сект соглашалась с общественным мнением: те не представляют угрозы для общества, поскольку, даже преследуя корыстные цели, их основатели даруют адептам духовную благодать и

дают кров бездомным вроде Хару.

– Анраку – наш бодхисатва⁴ Неисчерпаемой Силы, – благоговейно произнесла девушка.

Рэйко невольно задалась вопросом, чему обязан своей славой первосвященник Черного Лотоса.

Тем временем прелестное личико Хару омрачилось печалью. Она обхватила себя руками и сказала:

– Анраку и Черный Лотос мне вместо семьи с тех пор, как мои родители умерли.

Острая жалость к девушке, однако, не заставила Рэйко забыть о цели визита.

– Не могла бы ты рассказать мне о них? – мягко спросила она. Может, одно признание откроет дорогу другому, более важному для следствия?

На лице Хару отразилось колебание. Она посмотрела в окно. Внизу пожилая монахиня вела по дорожке группку послушниц. Те с хихиканьем носились вокруг старухи, которая выглядела совершенно безучастной к их забавам.

– Я боюсь вам наскучить, – сказала Хару.

– Мне это правда интересно, – заверила ее Рэйко.

Хару закусила губу, потом кивнула и повела рассказ нежным, ностальгическим тоном:

---

⁴ Бодхисатвами называют мудрецов и святых, променявших нирвану на служение людям, избавление их от страданий и помощь на пути к просветлению. Некоторых духовных наставников именовали так в память о совершенных ими чудесах и благодеяниях, а кое-кто провозглашал бодхисатвой самого себя, чтобы впечатлить возможных сторонников. – Примеч. авт.

– У моего отца была лавка в Кодзимати, рядом с "Ямасаканой". – Рэйко была известна эта закусочная, одна из лучших в округе. – Он продавал горячую лапшу. Я была единственным ребенком в семье. Мы с матерью помогали отцу готовить и разносить заказы, а жили в каморке позади лавки. Работать приходилось много, денег постоянно не хватало, но мы были счастливы. Мне предстояло выйти замуж и со временем унаследовать лавку. Так было до того, как... – Голос Хару сорвался. – Простите...

– Ничего страшного, – успокоила ее Рэйко.

Смаргивая слезы, девушка продолжила:

– Родители подхватили лихорадку. Ни на врача, ни на лекарства денег не было. Я выхаживала их как могла, однако вскоре они умерли. На следующий день после похорон лавку отнял ростовщик в уплату за отцовские долги. Я осталась без крыши над головой. Я была достаточно взрослой для замужества, да только кто возьмет невесту без приданого? Без родни? Идти не к кому... – Хару душили рыдания. – Мне было так одиноко и страшно. Я не знала, что делать, куда пойти...

Жалость захлестнула Рэйко, и она поспешила утешить девушку, как утешала сына:

– Ну-ну, не плачь.

Хару казалась сущим ребенком, когда взывала к ее материнским чувствам и выплескивала обиду на весь мир. От ее горестного рассказа Рэйко сделалось стыдно за свое счастье.

В то же время она не могла не порадоваться тому, что девушка доверила ей свою историю.

– Все прошло. Теперь тебя не тронут.

– Неправда! – вырвалось у Хару сквозь слезы. – Когда Черный Лотос приютил меня, я думала, что все мои беды закончились. Я собиралась стать монахиней и поселиться здесь навсегда!..⁵ И вот меня забирают от тех, кто мне дорог. Я опять одна!

– Из-за того, что вчера произошло в храме? – спросила Рэйко, решив не говорить о пожаре прямо, чтобы снова не напугать Хару до немоты.

Девушка кивнула.

– Я боюсь, что все подумают, будто я устроила пожар и убила этих людей. Друзья ополчатся на меня, из Черного Лотоса выгонят. Я попаду к полицейским, и тогда... тогда меня сожгут заживо!

Таково было типичное наказание за поджог, вне зависимости от того, погиб кто-нибудь или нет. Даже небольшой пожар мог, разгоревшись, уничтожить целый город и унести тысячи жизней, вроде великого пожара эры Мейрэки тридцатипятилетней давности. Потому-то бакуфу и карало поджигателей так сурово.

Радость от удавшейся беседы сменилась в душе Рэйко страхом за девушку.

---

⁵ В буддийских монастырях верующие освобождались от мирских соблазнов и стяжали духовное просветление, живя за счет подаяний мирян. – Примеч. авт.

Пока что та была единственной подозреваемой, что делало ее, хотя бы и невинную, готовой мишенью для нападок и ярости толпы. Рэйко чувствовала, как в ней крепнет решимость разобраться в случившемся и предотвратить, быть может, ужасную несправедливость.

Не хотелось рвать тонкую нить доверия, протянувшуюся от нее к Хару, но требовалось кое в чем удостовериться.

– Это ты устроила поджог? – спросила Рэйко.

Хару оторопело воззрилась на нее.

– Да разве я пошла бы на такое злодейство? – Из ее глаз полились слезы, стекая на дрожащий подбородок. – Я в жизни никого не обидела!

Голос девушки звучал искренне, однако Рэйко знала, как опасны поспешные выводы.

– Прости, что мучаю тебя расспросами. Сама посуди: как людям не подозревать тебя? Тем более вчера ты не захотела говорить о пожаре. Почему? Что случилось?

– Сыщики сразу меня невзлюбили, будто я сделала что-то плохое. А монахини и наставники словно перестали мне доверять. Я знала, что мне все равно не поверят! – выпалила Хару с горячностью, часто и сипло дыша.

Вдруг она встала и попятилась от Рэйко, метнув на нее полный горечи взгляд.

– Говорили "давай дружить", а сами не верите, как и все!

– Ты не так поняла, – стала оправдываться Рэйко. – Я просто хочу разобраться...

Девчушка бросилась на пол, заходясь в истерическом плаче.

– Никто мне не поможет! Я умру!

Рэйко наблюдала за ней с тяжелым сердцем, обуреваемая сложными чувствами. Очень часто преступники выдавали себя за невиновных и притворялись, чтобы им поверили. Однако и от ошибочно обвиненных можно было ждать сходного поведения.

– Если ты права, тогда и бояться нечего. – Рэйко под села к Хару и стала похлопывать ее по спине, пока не стихли рыдания. – Я хочу тебе кое-что рассказать.

Хару, скорчившись на боку и зарывшись лицом в волосы, замерла.

– Когда я была такой, как ты, мне очень нравились легенды о знаменитых воинах, – начала Рэйко. – Я представляла, как скачу в гущу сражения с мечом и в доспехах. И все-таки моей любимой мечтой было защищать крестьян от бандитов и биться один на один со злодеями.

Она улыбнулась, вспоминая свои детские фантазии.

– Мой отец – городской судья Уэда, поэтому мне часто приходилось бывать на разбирательствах. Порой я убеждала его в невиновности подозреваемых и этим спасала их от тюрьмы, побоев, изгнания или казни. С тех пор как сёсакан-сама стал моим мужем, я помогаю ему оправдывать ложно обвиненных. Я очень счастлива, что могу устанавливать справедливость и выручать людей из беды, особенно жен-

щин.

Рэйко, впрочем, не стала упоминать, что, помогая отцу, вытягивала признания у негодяев и вместе с Сано передавала в руки правосудия.

– Мне бы очень хотелось помочь тебе, Хару-сан, но для этого ты должна будешь рассказать все, что знаешь о пожаре.

Некоторое время Хару лежала не двигаясь и только всхлипывала. Потом села и подняла на Рэйко заплаканное, в красных пятнах лицо. В ее глазах светился огонек надежды, хотя приподнятая бровь и выражала сомнение.

– Да почти ничего, – прошептала Хару, качая головой. – Не могу вспомнить.

Рэйко знала, что преступники порой прибегают к такой уловке: пытаются скрыть вину, ссылаясь на неведение или потерю памяти, однако решила подождать с обличениями.

– Как такое возможно? Ты была там, когда хижина загорелась. По крайней мере скажи, что тебя туда привело.

– Не могу! – Голос Хару снова предательски сел, а подбородок задрожал, словно она вот-вот разразится рыданиями. – В ночь перед пожаром я, как всегда, пошла в уютную спальню. Очнулась уже утром, на улице. Я не знаю, как там оказалась.

Звучало нелепо, но Рэйко пока не спешила опровергать.

– Видела ли ты кого-нибудь возле дома до прибытия пожарной команды?

Хару наморщила лоб и прижала ладони к вискам, словно

отчаянно силясь вспомнить.

– Нет.

– Подумай о прошлой ночи. Не торопись. Попытайся вспомнить, как ты проснулась и не заметила ли чего необычного.

Взгляд девушки стал туманно-задумчивым.

– Иногда, как мне кажется, я кое-что вспоминаю. Свет. Шум. Борьбу. Страх. Может, мне это приснилось... – Здесь она уставилась в одну точку, округлив глаза, и вдруг выпалила: – Может, тот, кто устроил пожар, нарочно принес меня туда, чтобы все решили, будто это я подожгла!

Недоверие Рэйко усилилось: клясться, будто их подставили, для преступников обычное дело.

– Кто же мог поступить так с тобой?

– Не знаю, – с грустью ответила Хару. – Я думала, в храме меня любят, ведь я-то их всех люблю.

То, что Хару не попыталась обвинить кого-то еще, говорило в ее пользу. Отметив про себя этот факт, Рэйко спросила:

– Ты знала начальника полиции Ояму или женщину с ребенком, погибших в пожаре?

Хару поджала губы и мотнула головой.

– Может, кто-то из городских поджег хижину? – предположила она следом.

И к такой хитрости часто прибегали преступники: валили все на таинственных незнакомцев. Рэйко пристально смот-

рела на девушку. Она искренне хотела поверить Хару, но слишком многое указывало на ее вину. Та словно прониклась ее сомнениями – осела на пол, уронила голову на грудь.

– Так и знала, что вы не поверите. Я ведь правда ничего не помню... кроме того, что кто-то побил меня в ту ночь.

– Побил? – встрепелась Рэйко. – Где, как?

Хару сняла носки, встала и подняла подол кимоно. Показывая Рэйко ссадины на икрах и лодыжках, девушка с тревогой поглядывала через плечо. Хотя вид свежих царапин вызвал у Рэйко невольную дрожь, она по-прежнему старалась мыслить беспристрастно.

– Может, ты поранилась, убегая от пожарной бригады?

– Это не все. Видите? – Стоя к Рэйко лицом, она ослабила ворот. На ключицах и у основания шеи виднелись лиловые синяки. – Сейчас я еще покажу.

Хару поспешно развязала пояс. Кимоно скользнуло на пол, оставив ее совершенно нагой.

Руки, бедра, бока девушки усеивали багровые кровоподтеки.

– Когда я ложилась спать, их не было. И я не знаю, откуда они взялись.

Рэйко обомлела. Вместе с тем от нее не укрылось, что Хару при ее худобе и ребяческих манерах обладает сложением настоящей женщины: груди полные и округлые, подмышки и лобок покрывают жесткие волосы. Это несоответствие напомнило было Рэйко о том, как опасно руководствоваться

первым впечатлением, но у нее тут же возник новый взгляд на произошедшее.

– Да и голова тоже болит, – добавила Хару. Нагнувшись и разделив пряди волос, она продемонстрировала красную шишку на затылке.

Возможно, поджигатель выманил девушку из приюта, ударил и поволок к хижине, о чем свидетельствовали синяки и ссадины. Затем, рассуждала Рэйко, Хару как-то ухитрилась сбежать из горящей постройки. Тогда потеря памяти объяснялась ударом по голове. Сомнения Рэйко рассеивались. Возможно, Хару не устраивала пожара. Судя по травмам, она могла пасть жертвой чьего-то злого умысла.

Хару надела кимоно и скорчилась на полу, причитая:

– Что, если они придут за мной снова? Я не хочу умирать!

Ее слова тронули Рэйко до слез. Даже если факты говорят не в ее пользу, она заслуживает возможности быть оправданной. Поддавшись чувству, Рэйко обняла девушку.

– Ты не умрешь, если я смогу доказать твою невиновность и найти настоящего поджигателя, – сказала она.

Чти истинный закон и блюди его,
Стремись познать суть вещей,
Действуй лишь с чистыми помыслами.
Сутра Черного Лотоса

Эдоская тюрьма возвышалась над сточной канавой среди трущоб Кодэмматё в северо-восточной части торгового района Нихомбаси. Ее выщербленные стены венчали дозорные башни, а внутри, окруженный полуразрушенными конторами и казармами, находился укрепленный застенок, где одних заключенных пытали, а прочие дожидались казни. Здешний морг получал тела граждан, пострадавших от природных бедствий либо от насилия. Однако в недрах этого царства смерти располагался небольшой зеленый оазис. В огороженном дворике росли аккуратные ряды кустиков, подвязанных к бамбуковым шестам, вокруг них порхали бабочки, гудели пчелы.

Тут-то Сано и нашел друга, доктора Ито, лелеющим свои лекарственные травы. Сано прошел вдоль ограды садика, вдыхая свежие запахи. Он почти представил себя сельским жителем, а не заложником городских порядков.

– Доброе утро, Ито-сенсей, – произнес он с поклоном.

Доктор Ито, высокий худощавый старик лет семидесяти, улыбнулся и склонил голову. Его стриженные седины сияли в

утреннем солнце, изборожденное морщинами лицо отшельника лоснилось от испарины.

– Приветствую, Сано-сан. Я вас ждал.

Некогда уважаемого лекаря императорской семьи, доктора Ито арестовали за применение запретных в то время врачебных приемов, знания о которых он почерпнул у голландских торговцев. Обычно в период правления дома Токугава ученых-западников обрекали на изгнание, но для доктора Ито бакуфу сделало исключение, пожизненно вверив его заботам тюремную покойницкую. Там он продолжал свои научные изыскания, до которых чиновникам не было дела, руководил лечением надзирателей и заключенных. Опыт и знания доктора не раз выручали Сано во время расследований.

Вытерев руки о темно-синий плащ, доктор Ито по-стариковски тяжело выпрямился.

– Как Масахиро-тян?

– Премного благодарен за заботу о моем негодном отпрыске, – ответил Сано, от которого долг вежливости требовал хулить домочадцев. – Растет не по дням, а по часам, как и его запросы.

Мудрые глаза доктора блеснули – он-то сумел расслышать отцовскую гордость за уничижительным высказыванием Сано.

– Рад это узнать. Да, надеюсь, достопочтенная госпожа Рэйко пребывает в добром здравии?

– Именно так, – отвечал Сано, хотя упоминание о жене

расстроило его.

По дороге из замка он начал жалеть, что попросил ее помочь следствию. Что, если чрезмерное рвение Рэйко вспугнет Хару и лишит его возможности узнать что бы то ни было от важной свидетельницы и даже подозреваемой? Как Сано ни ценил превосходную интуицию супруги, ему следовало послать для допроса человека беспристрастного. Только сейчас он осознал, сколь сильно личная приязнь Рэйко может повлиять на ее объективность. Сумеет ли он уговорить Рэйко дожидаться его и поехать в храм вместе, он присутствовал бы при допросе. Правда, жена его прежде не подводила, но кто знает, вдруг на сей раз...

– Что стряслось, Сано-сан? – отвлек его от раздумий доктор Ито.

– Ничего, пустяки, – отозвался Сано, не желая обременять друга своими заботами, и решил перевести разговор непосредственно на цель визита. – Вам уже доставили тела после пожара в храме Черного Лотоса?

Лицо доктора посерьезнело.

– Да. Как ни жаль, я выяснил нечто такое, что в состоянии затруднить ход расследования.

Он повел Сано в покойницкую – приземистое здание с облупившейся штукатуркой и неряшливой кровлей из тростника. В его единственной комнате находилось несколько каменных лоханей для обмывания покойников, шкафчики с инструментами и скамья, заваленная кипами книг и бумаг.

Мура – помощник доктора Ито, человек лет пятидесяти, с седоватыми волосами и квадратным смышленным лицом, – занимался чисткой ножей. Увидев Сано с хозяином, он поклонился. На трех столах высотой по пояс лежали укрытые саванами тела. Доктор Ито подошел к тому, что крупнее.

– Господин Ояма, – объявил он и сделал знак помощнику.

Мура шагнул вперед. Он принадлежал к эта, сословию неприкасаемых, которые служили здесь тюремщиками, мастерами пыток, носильщиками трупов и палачами. Эта вели происхождение от людей, чей род деятельности – забой скота, выделка кож и прочее – так или иначе был связан со смертью, а следовательно, подразумевал духовную нечистоту и ставил их в положение париев. Мура, выполнявший для доктора всю физическую работу, по знаку последнего убрал покрывало с тела начальника полиции.

Хотя Сано не раз присутствовал при опознании и привык сдерживать отвращение к мертвым, вид бледного тучного тела вызвал у него приступ брезгливости. Остекленевший взгляд и разинутый рот Оямы придавали ему сходство с умалишенным, что совсем не вязалось с образом человека, ответственного за поддержание порядка в городе с миллионным населением.

– Переверни его, Мура, – попросил доктор Ито.

Эта повиновался. Доктор указал Сано на затылок Оямы. Волосы там были сбриты, открывая рану с багровой запекшейся массой за левым ухом.

– Этот удар проломил ему череп, – пояснил Ито.

Вследствие запрещения, наложенного на изучение трупов и прочие медицинские процедуры, хоть сколько-нибудь напоминающие западные, Сано не рискнул проводить детальный осмотр тела в храме. Он лишь оглядел его, чтобы удостоверить личность покойного, и, естественно, не заметил раны.

– Может, это произошло уже после смерти? – спросил Сано доктора.

Тот покачал головой.

– На коже и на волосах, прежде чем Мура обмыл его, была кровь, а мертвые не кровоточат. В момент нанесения удара неким остроконечным предметом Ояма был еще жив. Столь тяжкие травмы обычно смертельны. Ожогов на теле нет, да и кожа не порозовела, как если бы он задохнулся в дыму. Таким образом, я заключаю, что именно рана, а не пожар, погубила Ояму.

– При осмотре места происшествия я не нашел ничего похожего на оружие, – сказал Сано. – Но теперь ясно, что смерть Оямы была преднамеренной, а не случайной, как считали сначала. Видимо, убийца устроил поджог, чтобы замести следы.

Сано выдохнул и сокрушенно покачал головой: он-то надеялся, что Ояма пострадал лишь из-за рокового стечения обстоятельств. Дело обретало размах. Список возможных поджигателей из числа завсегдатаев храма, возглавляемый

прежде сиротой Хару, рос на глазах. Сейчас в него следовало внести всех, кто имел отношение к полицейскому, который, без сомнения, нажил не один десяток врагов.

Словно прочтя его мысли, доктор Ито сочувственно посмотрел на Сано и произнес:

– Боюсь, перед пожаром случилось не одно убийство.

Он подошел ко второму столу. Мура откинул покров с тела мертвой женщины, и воздух наполнился смрадом обгоревшей разлагающейся плоти. Сано замутило. Он тяжело сглотнул. Теперь, когда труп освободили от остатков материи, кроме тех, что пригорели, он выглядел еще хуже, чем накануне. Покойница лежала с поджатыми коленями и согнутыми в локтях руками. Ее туловище, руки, ноги, лицо и безволосую голову покрывали ожоги разной степени тяжести – от покраснений с волдырями до обугленных черных отметин. Когда Мура перевернул тело на бок, Сано увидел участки с уцелевшим кожным покровом.

– Места, прилегавшие к полу, огонь не затронул, – пояснил доктор Ито. – Как, например, здесь.

Он указал на светлое пятно в основании шеи женщины. Поперек него шла тонкая, словно врезанная, багровая полоса. Сано наклонился и разглядел отпечатавшийся на коже узор – витки тонкой веревки. Подняв голову, он встретил мрачный взгляд доктора Ито и высказал то, о чем оба думали в эту минуту:

– Ее задушили, а тело оставили гореть.

Итак, Сано предстояло раскрыть не одно, а два преднамеренных убийства. И хотя вторая жертва требовала отмщения ничуть не меньше начальника Оямы, ее смерть означала массу дополнительных хлопот.

– Как я выясню, кто желал ей смерти и почему, если даже не знаю, кто она? – сокрушался Сано.

– Возможно, это одна из знакомых Оямы, – предположил доктор. – В конце концов, их обнаружили вместе. Может, члены семьи начальника ее опознают.

– В таком состоянии?

Пристально разглядывая тело, доктор Ито сказал:

– Она была среднего роста и телосложения.

Вооружившись узкой металлической лопаткой, он осмотрел рот погибшей за обожженными губами, приоткрытыми в жуткой гримасе.

– Не хватает двух коренных справа и одного слева. Прочие зубы в хорошем состоянии, с острыми кромками. Кожа, там, где она уцелела, гладкая и чистая. По моему мнению, лет покойной около тридцати. – Указав на ноги, Ито добавил: – Подошвы загрубевшие, в трещинах частицы грязи, ногти стерты – все это говорит о привычке ходить босиком. Стало быть, она из простонародья.

– Удивительно, как вам удастся извлечь столько сведений при подобных обстоятельствах, – восхитился Сано. – Теперь у меня есть описание жертвы.

– Которое, впрочем, подойдет тысяче женщин, – сказал

доктор Ито. – Быть может, ее одежда расскажет нам больше.

Той же лопаточкой он освободил лоскуток, прилипший к животу покойницы, и расправил его, чтобы оценить ткань и окрас: темно-синий, с набивным узором в виде белых ветвей бамбука.

– Дешевое хлопковое кимоно вроде тех, что продают по всему городу. Сотни батрачек носят такие же.

– Да, зато теперь нам известно, что убили не монахиню, в противном случае на ней было бы холщовое одеяние, – заметил Сано.

– Может, она не числилась в храме, потому никто и не узнал ее?

Доктор Ито сунул инструмент под тряпицу.

– Здесь что-то есть.

Сано услышал, как лопатка звякнула обо что-то твердое, после чего на стол выкатилась какая-то вещица. На поверку это оказалась бусина размером с вишню, вырезанная из молочно-белого нефрита, которой рука мастера придала форму спящего оленя. Сквозь отверстие в статуэтке был продернут обрывок веревки.

– Это одзимэ, – сказал Сано, узнав в бусине особую застежку. Ею затягивали шнуры кисетов или коробочек, подвешиваемых к поясу.

– Похоже, она носила ее на талии, – сказал доктор Ито. – Вероятно, в качестве амулета.

– Вещица штучная, а такие стоят недешево, – заметил Са-

но. – Надеюсь, по ней удастся опознать женщину.

Мура вымыл одзимэ и обернул чистым лоскутком. Сано убрал ее в кожаный кошель на боку и проследовал за доктором к третьему телу, крошечной скорбной фигурке под белым саваном.

– Неужели и ребенок был убит до пожара? – спросил он.

Доктор Ито печально кивнул. Когда Мура убрал покрывало, Сано ощутил то же, что и вчера, в храме Черного Лотоса. Он попросту не мог смотреть на мертвое дитя – ни тогда, ни сейчас. Сано резко отвернулся, однако воображение уже нарисовало ему черное сморщенное тельце, жуткую маску с разинутым ртом и пустыми глазницами. Сердце пустилось вскачь, желудок скрутило. Он стал судорожно вдыхать воздух, смешанный с запахом гари и обгорелой плоти. Потом Сано повело, и он потерял сознание. Первый раз в своей практике он расследовал гибель ребенка, а отцовство уже не давало отстраненно взирать на происходящее.

Очнулся Сано на плече у доктора Ито, волокущего его из покойницкой. Свежий воздух тюремного двора вернул ему силы, и он устыдился своей внезапной слабости.

– Извините. Все, я уже отдышался...

Он направился было обратно в морг, но доктор мягко удержал его.

– Вам не обязательно видеть останки. Я изложу основное из того, что нашел, и довольно. – Дав Сано окончательно прийти в себя, доктор Ито продолжил: – Итак, у нас труп ре-

бенка мужского пола. На необожженной части спины следы новых и старых ушибов. Шея сломана, скорее всего удавкой. Лет ему, по моим подсчетам, около двух, хотя, возможно, и больше – мальчик был сильно истощен, вероятно, имелась задержка роста. Думаю, ребенок голодал и терпел побои еще задолго до убийства.

Сано вообще презирал издевательства над людьми, а с рождением Масахиро мысль об истязании детей стала казаться ему особенно чудовищной. Из трех убийств именно это взволновало его больше всего.

– Все сироты как будто на месте, – произнес он. – Вы не нашли каких-нибудь меток, чтобы установить, чей это мальчик или откуда?

Доктор Ито покачал головой.

– Раз его тело лежало рядом с женским, разумно предположить, что это мать с сыном. Впрочем, выводы могут быть ошибочны. – Помолчав немного, он добавил: – К несчастью, среди эдоской бедноты полно таких заморенных, избиваемых детей, один из которых мог погибнуть при сомнительных обстоятельствах. Боюсь, вам придется задействовать другие способы для опознания этих двух жертв.

– Уже задействовали. – Перед отъездом Сано отдал Хирате соответствующие распоряжения. – Пока что я отправлюсь в дом Оямы – опросить его домочадцев и челядь.

Простившись с доктором, Сано покинул тюрьму. Сев на коня, он влился в уличную толчею и двинулся в центр горо-

да, больше обычного проникаясь предстоящей работой. Год за годом он посвящал себя поиску правды и служению справедливости, что считал не менее благородным, чем самурайские долг, отвага и верность. Теперь у него, как отца, появился еще один повод раскрыть это дело. Смерть мальчика должна быть отомщена. Если Хару виновна в убийствах и поджигательстве, он проследит, чтобы она заплатила за них своей жизнью.

Я сделаю этот мир чистым,
Без скверн и пороков.
Земля его будет из золота,
Перевитая серебряными тропами,
С деревьями, плодоносящими нефритом и
яшмой.

Сутра Черного Лотоса

Чтобы выяснить, виновна Хару или нет, Рэйко решила сначала разузнать, что все-таки произошло с девушкой накануне пожара. Откуда взялись ее ссадины, и как она очутилась возле хижины. Кто выгадает, если ответственность за пожар и убийства падет на нее. Разгадка, несомненно, скрывалась где-то внутри храма Черного Лотоса.

Покинув владения Дзодзё, Рэйко и ее свита проследовали на запад. Паланкин двигался медленно – узкие улочки между стен дочерних храмов были наводнены служителями и паломниками. Мысли Рэйко вновь обратились к сыну. Как-то он там? Несмотря на тревогу о мальчике, Рэйко и не думала отступать, ведь она обещала помочь Хару, чья жизнь могла зависеть от ее поддержки.

У ворот храма Черного Лотоса Рэйко выбралась из паланкина и вошла во двор, оставив провожатых снаружи. У нее возникло предчувствие, что Сано не будет в восторге от ее

самоуправства. Посему она решила воздержаться от бесед с местными чинами, чтобы не мешать основному расследованию, и разыскать вместо этого храмовых завсегдатаек, хорошо знающих Хару. Как-никак ее главным козырем в сыском деле было умение находить общий язык с женщинами, которых люди Сано могли напугать.

Рэйко стояла в воротах и набиралась впечатлений. По виду это храмовое подворье во многом походило на другие: по центру – мощеная дорожка, по обе стороны которой стояли павильоны-молельни, реликварии, хранилище сутр, фонтан, рама с колоколом и прочие строения, возведенные в традиционной буддийской манере. Фронтоны крыш, резные двери и высокий арочный проход с двойным сводом, ведущий к главному залу в конце дорожки, украшали черные с золотом стилизованные лотосы. Предполуденное солнце освещало серые черепичные крыши и красную пагоду. Единственным, что отличало этот храм от прочих, виденных Рэйко, было обилие зелени вокруг.

Над центральной аллеей раскинули свои ветви платаны, узкие тропинки вились в тени небольших рощиц. Сосны, дубы, красные клены и сакуры скрывали строения из виду, промежутки между галечными тропками поросли дикой травой и кустарником. От мест, куда не заглядывало солнце, веяло прохладой. Даже придорожный шум не проникал сюда, за высокие стены и зеленую пелену листвы.

В толпе отрешенных молящихся то и дело мелькали жел-

тые одеяния бонз, серые одежды монахинь и бурые – послушников, которые сновали туда-сюда, смиренные и безмолвные.

Откуда-то из глубины неся заунывный речитатив молитвы. В воздухе разливался густой приторный аромат, словно благоухала целая апельсиновая роща. Все это создавало впечатление такой мистически-неземной красоты, что Рэйко сделалось не по себе.

– Приветствую вас, почтенная госпожа Сано.

Вздрогнув при звуках низкого, с придыханием, голоса, Рэйко обернулась и увидела высокую женщину в светло-сером кимоно.

– Добро пожаловать в храм Черного Лотоса, – произнесла незнакомка с поклоном.

Ее голову покрывал длинный белый палантин. На вид женщине было около сорока. У нее было скуластое лицо с полным чувственным ртом, во взгляде ощущались ум и властность. Белилами она, судя по всему, не пользовалась, но брови ее были выбриты и нарисованы выше, а на губах лежал тонкий слой кармина. В юности она, несомненно, была красавицей, но и сейчас, когда годы прочертили морщинки в углах ее рта и выжелтили румянец, не утратила прежнего диковатого очарования.

Ее сопровождали четыре монахини.

– Я Дзюнкецу-ин, настоятельница монастыря. Знакомство с вами – честь для меня.

Рэйко опешила от удивления, однако машинально поклонилась, бормоча подходящие любезности и извинения. Ей еще не доводилось встречать настоятельницу, которая красила бы лицо и носила волосы, пусть даже зачесывая и пряча их под покрывалом. Обычно монастырский устав предписывал монахиням брить головы наголо.

Сбитая с толку столь официальным приветствием, при том что никто не должен был знать о ее приезде, Рэйко спросила:

– Откуда же вам известно, кто я?

– О-о, вы слишком скромны. – Настоятельница Дзюнкецу-ин улыбнулась. – Как можно не знать жену господина главного следователя? – произнесла она подчеркнуто вежливым тоном с легким оттенком иронии.

Рэйко сознавала, что по городу ходит слух о ее с Сано сотрудничестве, и все-таки куда ей было до знаменитости!.. Может, кто-то подслушал ее разговор с Хару, а после предупредил членов Черного Лотоса?

Рэйко не понравился прямой, оценивающий взгляд настоятельницы. Чутье подсказывало, что манеры и внешность Дзюнкецу-ин свидетельствуют о некоем разладе внутри секты. Или она стала слишком подозрительной из-за того, что в храме мог скрываться преступник?

– Полагаю, вы здесь, чтобы помочь мужу расследовать причины пожара, – сказала Дзюнкецу-ин, усиливая подозрения Рэйко. Раз ее участие в деле не разглашалось и посе-

тить храм она могла, как все женщины, по религиозным соображениям, то какие основания у настоятельницы предположить подобное, не зная об их с Хару беседе? – Позвольте и мне посодествовать.

– Собственно, я прибыла выяснить, замешана ли Хару в поджоге и убийствах, и если да, то каким образом, – призналась Рэйко.

Дзюнкецу-ин улыбнулась шире. У нее были острые, слегка скошенные внутрь зубы, придававшие улыбке хищное выражение.

– Уж Хару-то я знаю как облупленную. Поговорим в моих покоях. – И настоятельница повела рукой в сторону узкой улочки.

– Вообще-то мне хотелось бы встретиться с ее подругами. – Рэйко понимала, что храмовые власти постараются подстегнуть интерес следствия к Хару, чтобы покрыть истинного виновника пожара и не допустить вмешательства во внутренние дела секты. Значит, словам бонз нельзя доверять – им проще и удобнее свалить все на сироту, пожертвовав ею ради своих интересов. – Может, вы просто проводите меня до приюта? Мне неловко вас утруждать.

– Ничего, – сказала Дзюнкецу-ин, все еще улыбаясь, но теперь с твердостью во взгляде. – Я с радостью расскажу вам все, что потребуется.

Монахини обступили Рэйко со всех сторон. Мысль о том, что она будет ходить где заблагорассудится, им явно претила.

Рэйко уже подумывала воспользоваться положением Сано и приструнить Дзюнкецу-ин, однако не рискнула. Слишком уж смело было бы действовать от лица мужа, но без его ведома.

По ту сторону аллеи прошли двое следователей, посланных Сано; к их помощи Рэйко тоже не могла прибегнуть, чтобы не поставить в неловкое положение слуг двух господ. К тому же противление чиновникам секты могло навлечь неприятности на Сано.

– Хорошо, – ответила Рэйко, позволяя настоятельнице увлечь себя по дорожке. Может, она все же узнает что-нибудь важное.

Их путь лежал в тенистом полумраке, между укрытых деревьями зданий, у которых Дзюнкецу-ин ускоряла шаг, словно боясь, что ее спутница как следует осмотрится или заговорит с проходящими мимо монахинями.

– А вот и наша обитель, – проговорила она, подводя Рэйко к уменьшенной копии монастыря Дзодзё.

Наконец они расположились в одной из комнат наверху, обставленной с аскетической простотой. За раздвинутыми ставнями располагалась веранда с видом на соломенные крыши остальных строений. Служанка разливала чай. В углах, точно безмолвные стражи, расселись монахи. Только теперь Рэйко заметила, что серое кимоно настоятельницы в отличие от грубых монашеских одеяний сшито из тонкого хлопка с едва заметным волнистым узором, да и ходила она не босиком, а в белых, без единого пятнышка, носках.

– Что же проповедует секта Черного Лотоса? – спросила Рэйко, желая узнать, какие обряды позволили ей снискать признание у народа и что за доктрины разрешают настоятельница обходить заповедь о поприятии мирского тщеславия.

– Наш земной путь преисполнен страдания, – напыщенно изрекла Дзюнкецу-ин. – Страдание происходит от низменных страстей. Избавляясь от них, мы можем прекратить страдать и достигнуть нирваны. Нужно лишь следовать правильному пути...

"Да это постулаты проповеди о четырех благородных истинах! – догадалась Рэйко. – Основы буддийского вероучения".

– Мы верим, что каждый человек способен достичь нирваны и полностью уподобиться Будде, просветленному и всеильному. Заучивание и многократное повторение сутр Черного Лотоса, а также медитация на их темы делают нас сопричастными истине, сокрытой внутри. Чтение сутр подчиняет наш жизненный уклад цели высвобождения энергии, таящейся в сфере неосознанного, где мы можем уловить законченную суть священного текста. Возникающее понимание сродни мистическому взаимопроникновению верующего и сутры, в результате которого он приближается к нирване и сам становится буддой.

– Мне незнакомы сутры Черного Лотоса, – сказала Рэйко. – Они имеют отношение к знаменитым, почитаемым в

большинстве других сект сутрам Лотоса? О чем в них говорится?

– Сутры Черного Лотоса – древние, уникальные стихи, обнаруженные нашим наставником. В них утверждается, что верный путь к просветлению состоит из бесконечного множества параллельных, пересекающихся, сходящихся и расходящихся путей, объединяемых в один, и что лишь первосвященник Анраку, бодхисатва Неисчерпаемой Силы, определит, какой из них нам суждено выбрать. – Здесь настоятельница беспокойно заерзала. – Однако все это сложно, объяснение требует немалого времени, а постижение – кропотливого умственного труда. Вы ведь, как я полагаю, хотели узнать о Хару и о пожаре?

– Да, – ответила Рэйко.

От нее не укрылось желание настоятельницы увести разговор от доктрины Черного Лотоса, напоминающей сплав традиционной религии с новой философией. В секте Чистой Земли, представляемой храмом Дзодзё, чтили одноименные сутры и верили, что постоянное призывание Амида, Будды Неизмеримого Света, помогает людям спастись. Поклонники дзен-буддизма, популярного среди самураев, медитировали ради внезапного прозрения – сатори. Черный Лотос больше всего напоминал секту Нитирэн Сёсю, основанную около четырехсот лет назад одним истовым проповедником и все еще популярную в народе. Последователи Нитирэна твердили слова сутр Лотоса, чтобы достичь просветления.

Рэйко читала их и поняла, что никакой тайной истины, которую нельзя было бы выразить словами, в них не содержится. Впрочем, молящимся не обязательно вникать в смысл сутр для того, чтобы самосовершенствоваться. Скорее всего так обстояло дело и с сутрами Черного Лотоса.

Не увидев в практике секты ничего из ряда вон выходящего, Рэйко удивилась, отчего Дзюнкецу-ин отказалась ее обсуждать.

– Я пытаюсь представить, что произошло с Хару после ее отхода ко сну вечером накануне пожара, – молвила она. – Мне нужно знать, видел ли кто ее ночью, до прибытия пожарной бригады?

Настоятельница на миг презрительно поджала губы.

– Хару и вам говорила, что ничего не помнит? Вынуждена вас предупредить: не стоит верить ее рассказам. Несмотря на смазливую мордашку, притворства ей не занимать. Если она вам сказала, что пошла спать, как было велено, знайте: она солгала. Ее лживость, строптивость и дерзость всегда доставляли нам массу хлопот. Девчонка нарушает правила без зазрения совести: болтает во время священных обрядов, не выполняет обязанностей, таскает еду из кладовок. Неуклюжа, заносчива, вечно крутится там, куда сиротам ходить запрещено... – Голос настоятельницы дрожал от негодования. – Стоит ее уличить в чем-то, она все отрицает. По утрам сестрам приходится силой вытаскивать ее из постели к молитве, а по ночам она дожидается, пока все заснут, и сбегает из

приюта. Вечером перед пожаром было точно так же.

– Откуда вы знаете? – взволнованно спросила Рэйко.

Нарисованный настоятельницей портрет противоречил ее мнению о девушке, равно как и собственным словам Хару, в которых она представляла благодарной, преданной благодетелям и покладистой во всех отношениях сиротой. Утверждение о том, что Хару самовольно покидала спальню, также не соответствовало данной ею хронике событий. Слыша рьяные заверения настоятельницы, Рэйко поневоле задумалась: а нет ли у Дзюнкецу-ин личных мотивов очернить Хару в ее глазах?

– Вы это видели?

– Нет, – ответила Дзюнкецу-ин. – Что я, нянька, следить за сиротами? – обронила она спесиво. – Ее поймала храмовая стража, когда она бегала ночами по округе. Оказалось, девчонка путается с послушниками. Мы уже засомневались, что Хару вообще пригодна к монашеской жизни. Именно поэтому ее до сих пор не взяли в послушницы. – Настоятельница злорадно усмехнулась. – Сдается мне, Хару вряд ли поведает вам, почему она, вполне взрослая для принятия пострига, до сих пор обитает в приюте?

Теперь и Рэйко заметила эту странность. Сочтя Хару ребенком, она даже не задумалась, почему та не дала монашеского обета, к чему, по ее словам, стремилась. Да, девушки низших сословий бывали сведущи в плотской любви. Но чтобы Хару, пусть зрелая физически, намеренно со-

вращала послушников?.. Рэйко ужаснулась, едва подумав об этом. Возможно ли, чтобы Дзюнкецу-ин оболгала ее? Неужели она, Рэйко, упустила что-то из их разговора? Неужели чутье сыщицы подвело ее после затянувшегося отпуска?

Скрывая смятение, она произнесла как можно спокойнее.

– Мне потребуются другие свидетели, способные подтвердить испорченность Хару.

– Четверо сидят здесь, перед вами. – Настоятельница обвела жестом монахинь в углах. Те, не дрогнув, встретили взгляд Рэйко.

"Удачное совпадение", – подумала она. Покорные слуги едва ли могли сойти за независимых свидетелей, а явное нежелание Дзюнкецу-ин представить иных усилило ее сомнения в честности настоятельницы.

– Ваш рассказ о недостойном монахини поведении Хару не имеет отношения к поджогу, – возразила Рэйко, понимая что причин обвинять девушку у нее не больше, чем у Дзюнкецу-ин.

В ответ настоятельница произнесла с плохо скрываемым торжеством:

– Дежурная по приюту сказала мне, что тем вечером проверяла сирот в спальне и Хару среди них не было. – Видя озабоченность Рэйко, Дзюнкецу-ин усмехнулась. – Неудивительно, что она и вас провела. Хару – отъявленная лгунья. Если она якобы не помнит событий той ночи, значит, дело нечисто.

Несмотря на потрясение, Рэйко все же не верилось, что Хару могла ее обмануть. Намеки настоятельницы о причастности девушки к пожару тоже звучали неубедительно. Прежде всего требовалось установить, что делала Хару во время своего отсутствия в спальне.

– Может быть, она оказалась там против воли, – предположила Рэйко. – У нее большая шишка на затылке и все тело в ссадинах.

Дзюнкецу-ин вдруг застыла и напряженно отхлебнула из чашки, словно бы в раздумье. Похоже, ей было неизвестно о следах побоев, и новость застала ее врасплох. Однако она быстро нашлась с ответом:

– Хару могла нанести их сама. Мы это уже проходили. Она делала вид, что монах, соблазненный ею, напал на нее первым.

Такое самоистязание представлялось Рэйко невыносимым. Однако использование следов насилия для подтверждения невиновности вкупе с рассказом о потере памяти – доказательства не менее зыбкие. Что, если Хару подожгла дом, а сейчас пытается прикинуться жертвой? Рэйко обуревали противоречивые чувства. Жалость к Хару сменялась осознанием того, сколь недальновидно и опасно придерживаться версии подозреваемого. Нельзя не считаться с обвинениями Дзюнкецу-ин, но попробовать опровергнуть их также необходимо.

– Кто-нибудь видел, как Хару разливала по дому масло и

поджигала его? – спросила Рэйко.

Руки Дзюнкецу-ин, белые и холеные, как у высокородной дамы, с силой стиснули чашку. Она прищурилась, словно обдумывая что-то, затем покачала головой:

– Кажется, нет.

Ее ответ отчасти оправдывал Хару, которую люди Сано, изучив картину пожара и опросив обитателей храма, могли связать с преступлением по ошибке.

– Если хотите убедить меня в виновности Хару, вам придется либо представить более весомые доказательства, либо позволить мне опросить больше свидетелей, – сказала Рэйко настоятельнице.

Женщины смерили друг друга неприязненными взглядами. В этот миг снаружи скрипнули половицы и послышался стук в дверь.

– Кто там еще? – раздраженно спросила Дзюнкецу-ин.

Дверь отъехала в сторону, и на пороге возник незнакомец.

– Прошу извинить меня, госпожа настоятельница. Я не знал, что вы заняты.

Он был высокий и тощий, с большой головой, кажущейся слишком тяжелой для его тонкой шеи. С выпуклого лба свисали жидкие серые космы, немытая физиономия была изрыта оспинами. Сутулые плечи и сгорбленная спина делали его похожим на старика, хотя ему явно было всего под сорок.

Дзюнкецу-ин неприязненно скривилась, но все же представила вошедшего Рэйко:

– Доктор Мива, храмовый лекарь.

Узнав о причине визита Рэйко, доктор покосился на гостью и произнес, звучно втягивая воздух сквозь редкие зубы:

– В таком случае не буду мешать. Постараюсь зайти в более подходящее время.

– Да уж извольте, – ответила Дзюнкецу-ин, не столько предвкушая встречу, сколько радуясь избавлению.

Но тут в разговор вмешалась Рэйко:

– Не окажете ли честь присоединиться к нашему обществу?

Ей было нужно узнать, для чего секта наняла лекаря, – устав других храмов этого не предусматривал. К тому же в ее распоряжении оказывался еще один свидетель.

– Если хотите, – чуть ли не зловеще добавила настоятельница.

Доктор Мива проскользнул в комнату и присел возле Рэйко. От него исходил едкий запах химикалий, а на блекло-зеленом кимоно виднелись пятна и подпалины.

– Как случилось, что вас наняли в храм? – спросила Рэйко, озадаченная его нищенским видом. Все врачи, каких она знала, выглядели чистыми и опрятными. Да и что за микстура могла пахнуть так странно?

– Я обучался медицине у одного знаменитого лекаря из Камакуры. Проработав подмастерьем и выучившись, я решил попытать удачи в Эдо. По прибытии мне посчастливилось встретить первосвященника Анраку, который и пред-

ложил мне эту должность.

Фразы доктора перемежались хлюпающими вдохами. Говорил он, слегка повернув голову в сторону Рэйко, словно боялся смотреть на нее прямо. "Возможно, не хочет оскорбить меня своим уродством", – думала Рэйко. Вместе с тем в нем ощущалась некоторая напряженность.

– В чем же заключаются ваши обязанности? – спросила она.

– Первосвященник Анраку оказал мне честь, избрав меня в помощники: лечить хворых, слепых, убогих и душевнобольных, приходящих к нему за спасением. – Голос Мивы преисполнился гордости. – Я также врачую монахинь, священников, послушников и сирот, когда тем случается заболеть.

– Тогда вы, должно быть, знаете Хару? – встрепелась Рэйко и заметила, как Дзюнкецу-ин метнула на Миву предостерегающий взгляд.

– Да, а что? – опасливо спросил доктор.

– Что вы можете сказать о ней?

– Хару – очень любопытный случай.

Всхлип, выдох. Доктор искоса окинул Рэйко взглядом, от которого у нее поползли мурашки по телу.

– Она страдает от острого дисбаланса двух начал природы, шести внешних болезнетворных факторов и семи чувств⁶.

---

⁶ В соответствии с принципами классической китайской медицины для поддержания здоровья необходимо было приводить все эти элементы в равновесие. –

Доктор Мива продолжил лекторским тоном:

– В теле Хару слишком много инь, отрицательного начала. Она пребывает под воздействием хань и хо, внешнего и внутреннего жара. Чувства, которые в ней преобладают, есть ну и чин...

"Гнев и удивление", – мысленно перевела Рэйко.

– Физически Хару здорова, чего нельзя сказать о ее духе. Я назначал ей лечение, пытался избавить от симптомов.

– А какие у нее симптомы? – поинтересовалась Рэйко, начиная всерьез опасаться, что его вердикт будет не в пользу Хару.

– Своеволие, заносчивость, лживость, галлюцинации, – перечислял Мива, – распущенность, необязательность и непочтительность к старшим.

Сказанное им подкрепляло оценку, данную Дзюнкецу-ин девушке, придав ей основательность диагноза.

– Вы считаете, Хару устроила поджог? – спросила Рэйко.

Доктор и настоятельница еще раз переглянулись. Под ее властным взглядом лицо Мивы превратилось в маску покорности.

– Мой ответ, как ученого, – да. Пылкая натура Хару, без сомнения, пробуждает в ней сильную тягу к огню и насилию.

Судя по всему, доктор Мива и Дзюнкецу-ин взялись погубить Хару вместе, несмотря на взаимную неприязнь. Рэйко видела, как глаза-щелки доктора загорелись похотью, ко-

гда он украдкой скользнул по ней взглядом. Она подавила невольную дрожь и тут же заметила, с какой яростью следит за ними настоятельница. Казалось, она настолько привыкла быть в центре внимания мужчин, что не могла простить даже заведомо презираемому Миве пренебрежение собственной персоной. Вот она вздернула подбородок и прижала кожу под ним пальцем. Подобное поведение Рэйко порой замечала за женщинами в возрасте, завидующими ее молодости, красоте и обаянию.

– Интересно знать, почему вы пытаетесь убедить меня в том, что поджог и убийства – дело рук Хару? – сказала она своим собеседникам.

– Мы просто хотели вам показать, какова она на самом деле, – ответила Дзюнкецу-ин. – И нам, естественно, хочется, чтобы расследование закончилось как можно скорее, виновный был схвачен и мы могли оправиться от этого крайне досадного недоразумения.

– Может, вы кого-нибудь покрываете? – спросила Рэйко без обиняков.

Настоятельница мрачно воззрилась на нее, словно их необъявленное соперничество на миг сорвало с нее личину обходительности.

– Если бы мы этого хотели, то утаили бы историю с Хару, поскольку она, несмотря на причиненные беды, все же одна из нас.

– Секта Черного Лотоса законопослушна. Преступников

мы не прячем, – вторил доктор с присвистом.

– Если не ошибаюсь, в порче имущества или в нанесении кому-либо телесного вреда она не замечена, – произнесла Рэйко, теряя терпение.

Парочка явно навязывала ей предвзятое мнение о Хару, при том что она, Рэйко, и без того была готова им поверить. Пусть доктор и настоятельница считают девушку ненадежной, пусть само их присутствие здесь наводит на размышление о репутации секты, но, быть может, они и впрямь действуют из лучших побуждений?

– Зачем Хару могло понадобиться поджигать дом?

– В отместку, – отозвалась Дзюнкецу-ин. – У нас борются с непослушанием, и Хару часто наказывали: лишали еды, запирали одну в комнате, заставляли молиться. Это ее разъярило, вот она и решила выместить злость – устроила пожар.

Доктор Мива согласно кивал. Рэйко внутренне сникла, хотя и не подала виду. Если Хару действительно такова, какой ее описали, она вполне могла руководствоваться местью, совершая поджог. Неужели это же толкнуло ее и на убийство?

– Была ли она знакома с погибшими? – спросила сыщица.

– Никто здесь не знает, кем были женщина и ребенок, – ответил доктор Мива.

Рэйко заметила, как он отвел взгляд и сцепил руки. Пальцы у него были неестественно длинные, в многочисленных шрамах от ожогов и бурых пятнах.

– Уверена, какие-нибудь побирушки. Забрались туда переночевать, – сказала Дзюнкецу-ин и разгладила свое одеяние, завистливо поглядывая на шелковое кимоно собеседницы. – Мы даже не знали, что там кто-то был, да и Хару, видимо, тоже. Чужие заботы ее не волнуют. Она не стала бы проверять, пусто в доме или нет, прежде чем поджечь его.

Какое-то движение за спиной привлекло внимание Рэйко. Обернувшись, она вдруг увидела молодого монаха, выглядывающего поверх ограждения веранды. Встретившись с Рэйко глазами, он покосился на прочих участников беседы и прижал палец к губам. Она машинально опустила взгляд на чашку, стараясь не выдать смутения и гадая, зачем монаху понадобилось подслушивать.

– Хару была знакома с начальником Оямой? – Когда Рэйко опять взглянула на веранду, голова монаха исчезла.

Дзюнкецу-ин с усмешкой отмахнулась.

– Станет ли важный чиновник возиться с какой-то сиротой?

Если Хару не знала ни Ояму, ни других жертв, значит, у нее не было причин убивать их. Но и предполагать, что они погибли случайно, было бы нелепо.

Рэйко видела крепко сжатые ладони Дзюнкецу-ин, видела и потупленный взгляд доктора. Почему, наведя подозрение на Хару, они предлагают заведомую ложь в ее пользу? Правда ли они не знали мертвую женщину с ребенком? Может, у них свои причины избегать разговора о жертвах?

– А вы были знакомы с Оямой? – поинтересовалась Рэйко.

– Раз-два случайно встречались, – сказала Дзюнкецу-ин и добавила: – У меня не было повода желать ему зла. Всю ночь перед пожаром я провела в своих покоях и не подходила к дому раньше пожарной бригады. Мои помощницы подтвердят это. – Она указала на четверку наблюдательниц-монахинь.

– Что до меня, то я с вечера был у больного, пока не услышал звон колокола. Мне помогала сиделка, – поведал доктор Мива. – Начальник полиции часто посещал храм для частных обрядов у первосвященника Анраку, к которым я имею честь быть допущенным. Наши с ним отношения были исключительно дружественными.

"Не слишком ли рьяно взялись они отрицать причастность к убийству Оямы и предъявлять алиби?" – подумала Рэйко.

Доктор Мива потирал грязные руки, настоятельница не сводила с него глаз. В тишине плыли приглушенные звуки молитвы. Воздух в комнате словно загустел от напряжения и невысказанных тайн. Размышляя, Рэйко поняла, что среди целей, которые могли преследовать Мива и Дзюнкецу-ин, обвиняя Хару, самым вероятным выглядит самооправдание. Какие роли сыграли они в этой трагедии?

Ясно одно: от нее что-то скрывают. Рэйко допускала, что слишком поторопилась поверить Хару. Услышь она о ее выходках из уст более надежных свидетелей, скорее поверила

бы последним. Показания же Мивы и Дзюнкецу-ин пришлось отметить хотя бы по причине их предубежденности.

– Мне хотелось бы поговорить с первосвященником, – сказала Рэйко. Раз Хару отозвалась о нем как о своем спасителе, то, возможно, его характеристика будет более лестной, нежели две предыдущие. – Не могли бы вы представить меня ему?

Настоятельница нахмурилась.

– Именно сейчас он медитирует, и беспокоить его никак нельзя.

– Я сообщу его святости, что вы просили об аудиенции, – сказал доктор Мива, – и дам знать, когда ему будет угодно принять вас.

– А теперь, извините, мы должны обсудить кое-что, – подвела конец беседе Дзюнкецу-ин.

Рэйко была возмущена тем, что ее беззастенчиво выставляют за дверь и притом отказывают в беседе с вышестоящим духовным чином. Только что могла сделать она, женщина, без поддержки властей, одна против шестерых?

– Что ж, благодарю за содействие, – сказала она, пряча гнев, поклонилась и встала.

По взгляду настоятельницы четыре монахини разом поднялись и молча проводили Рэйко к монастырским воротам с очевидным намерением вывести ее за пределы храма. Спускаясь по дорожке, Рэйко увидела, как следователь Марумэ в сопровождении бонзы заходит внутрь. Создавалось впечат-

ление, что секта не дает людям Сано самостоятельно вести следствие. Доверять Хару было нельзя, равно как и полагаться на изобличающие показания людей, которые явно невзлюбили девушку и вдобавок точно замешаны в чем-то подозрительном. Нет, она не позволит секте вертеть следствием по своему усмотрению.

Рэйко замедлила шаг и сказала:

– Простите, перед уходом мне нужно облегчиться.

Монахини, поколебавшись, кивнули и провели Рэйко к дощатому сооружению, стоящему среди сосен на монастырских задворках. Ставя ногу на ступеньку перед дверью, она сказала монахиням, чтобы те не ждали ее. Наконец она заперла дверь и очутилась в тесной и темной кабинке. Из дыры в полу несло человеческими испражнениями. Подождав минуту, Рэйко приотворила дверь и выглянула. Монахини стояли поблизости, следя за уборной. Рэйко охнула от досады. Как бы ей отвязаться от стражи, не нанеся оскорбления секте, не расстроив Сано и не распугав обитателей монастыря, к которым она собиралась обратиться осторожно и тактично?

Вдруг осторожное "тук-тук" заставило ее обернуться. В задней стене нужника имелось оконце, забранное деревянной решеткой, через щели которой проглядывала вытянутая голова с оттопыренными ушами. Тот самый монах с веранды!

– Умоляю, достопочтенная госпожа, я должен поговорить с вами, – произнес он лихорадочным шепотом. – У меня для

вас важные сведения.

В душе Рэйко забрезжила надежда, подавив первоначальный испуг.

– Какие? – прошептала она.

– Встретьтесь со мной за воротами храма. Прошу вас.

Миг – и он исчез, шурша босыми ногами по сосновой хвое.

Тот, кто глубоко привязан к
мирским учениям и соблазнам,
Не может избежать несчастий и
страданий.

Сутра Черного Лотоса

Дом оглашался ревом Масахиро. Чем только не пытались утихомирить его няньки после ухода матери – едой, забавами, вниманием, – дитя заливалось все горше. К обеду даже Мидори, которая, зайдя в гости к подруге, узнала о ее отсутствии и осталась помочь с мальчиком, оказалась не в силах выносить этот рев и сбежала с младшей из служанок, О-ханой, в садик. Солнечный свет просачивался сквозь алые листья кленов и мягко освещал девушек.

– Наконец-то тишь и покой! – воскликнула О-хана. Ей было девятнадцать лет, этой обладательнице лукавой улыбки и остроносого, но не лишнего прелести личика. – Везет тебе, ты фрейлина. Тебе не приходится возиться со всякими плаксами. Сидишь себе день-деньской у госпожи Кэйсо-ин и горя не знаешь. Не пойму, что за радость ходить сюда, когда маленький господин вот-вот сведет всех с ума.

– Здесь хорошо, – сказала Мидори. Она разгладила свое розовое кимоно, помятое ребенком. – Рэйко и сёсакан-сама так добры ко мне. Да и Масахиро мне нравится.

– А может, еще кто? – хитро спросила О-хана.

Мидори покраснела при мысли, что служанка заметила ее интерес к Хирате.

С первым вассалом сёсакан-самы она познакомилась три года назад, уже наслышанная о его подвигах в Нагасаки, где он спас жизнь хозяину и в одиночку захватил шайку контрабандистов. Похожий на героя из прошлого – честный, добрый и великодушный, – Хирата сразу понравился Мидори. По крайней мере он в отличие от прочих самураев Токугавы не гнушался ее семьи.

Мидори была дочерью "стороннего" даймё – удельного князя, чей клан потерпел поражение в битве при Сэкигахаре и был вынужден присягнуть на верность победителю – Токугаве. И хотя Мидори была хороша собой, а могущественный род Ниу обеспечивал ее весьма солидным приданым, многочисленные дворцовые интрижки между фрейлинами и молодыми самураями бакуфу обходили ее стороной. Мужчины предпочитали девушек, приближенных к правящему семейству, а красота и манеры Мидори были не таковы, чтобы заставить забыть о ее положении. Мало-помалу она смирилась с участью будущей жены какого-нибудь второсортного, всеми отвергнутого чиновника, как вдруг появился Хирата. Удивительно, но он закрывал глаза на политические, имущественные или классовые различия, неизбежно влияющие на взаимоотношения людей. Порой казалось, что Мидори нравится ему такой, какая есть, и дружба с Рэйко давала ей воз-

возможность продлить это замечательное знакомство. Она старалась проводить весь свой досуг в усадьбе сёсакан-самы, чтобы видеться с Хиратой настолько часто, насколько позволяла его служба. Оба питали любовь к играм и по вечерам частенько встречались за картами. За разговорами, смехом и шутками Мидори поняла, что влюбилась. Вот и сейчас она всем сердцем надеялась его встретить...

Какое-то жужжание над ухом отвлекло ее от мечтаний. Что-то пролетело мимо лица.

– Оса! – взвизгнула О-хана.

Насекомое несло на нее. Девушка заверещала, прикрывая голову руками.

Паника оказалась заразной. Мидори закричала, когда оса зависла в воздухе перед самым ее носом. Они с О-ханой вцепились друг в друга и закружились, преследуемые насекомым.

– Помогите! – зывали девушки наперебой.

Потом оса запуталась в длинных волосах возле шеи Мидори, стала биться, пытаясь выбраться, и рассерженно жужжать.

– Сними ее! – закричала Мидори и, предчувствуя укус, упала на колени.

Но О-хана только пятилась и хлопала глазами.

Внезапно мужской голос произнес:

– Что здесь происходит?

Мидори подняла глаза. Хирата, крепкий, в расцвете своих

двадцати трех лет, стоял с мечами за поясом и с любопытством взирал на девушек. От радости у Мидори сердце чаще забилося в груди.

– Оса попала за воротник! – воскликнула она.

Хирата опустился рядом с ней. Одним движением он подхватил осу за крылья, вынес подальше в сад и подбросил в воздух. Та улетела, а Хирата повернулся к Мидори с О-ханой.

– Все, вы спасены, – сказал он со смехом.

Мидори поднялась на ноги, не сводя с него восхищенного взгляда. Он так храбро, так чудесно держался... и не важно, что лицо его было слегка скуластым и больше ротым и не совсем походило на идеал красоты. Она мечтала о его любви и свадьбе – зная, что ее семья не одобрит брака с бывшим полицейским; зная, что и Хирата по положению заслуживает лучшей невесты, нежели дочь опального феодала. Два года назад, одним из летних вечеров, между ними произошло нечто, после чего она поняла: счастье возможно.

Они с Хиратой прогуливались по саду, когда их застала гроза. Укрывшись в беседке, стояли они бок о бок, прислушиваясь к отголоскам грома, глядя, как полыхают молнии сквозь темные тучи и пелену дождя.

– Как хорошо, – сказал тогда Хирата.

– Да, – прошептала Мидори. "Посмотри на меня, – беззвучно молила она. – Скажи, что любишь!"

Хирата повернул голову и улыбнулся ей.

– Я ни с кем еще не был так счастлив, Мидори-сан. С тобой я могу говорить о чем угодно. Ты принесла свет в мою жизнь.

От волнения потеряв дар речи, Мидори опустила глаза, чтобы Хирата не видел, какую бурю чувств вызвали его слова. Внезапно он сжат ее руку в ладони, горячей и сильной. Мидори, затаив дыхание, стояла и ждала, внимая громовым раскатам и шуму дождя. Потом Хирата произнес – вполголоса, как будто самому себе:

– Сёсакан-сама и госпожа Рэйко очень счастливы и подходят друг другу, словно их брак по любви, а не устроен родителями. Хотел бы и я так жить. Если удастся...

Любит ли он ее? Думает ли жениться на ней? Надежда вскружила Мидори голову. Но Хирата молчал. Возможно, он был не готов заявить о своих намерениях, а она из стеснительности не подтолкнула его.

А несколько дней спустя, не успела Мидори увидеться с ним снова, как судьба разрушила ее чаяния. Сёгун послал Сано расследовать убийство в имперской столице. Сано оставил на Хирату весь сыскной корпус, и свалившаяся ответственность заставила того забыть о женитьбе. День и ночь он нес службу, приглядывал за поместьем и расследовал преступления. Сам сёгун стал доверять ему как другу и советчику. Хирата по-прежнему старался выкраивать время для встреч с Мидори, но больше ни о чем, кроме работы, с ней не говорил. Потом сёгун ненадолго отбыл в свое горное

поместье, взяв Хирату в качестве телохранителя.

Как-то ночью повелителя разбудил странный шум, который не на шутку его испугал. Хирата отправился на разведку и застал в доме грабителей. После яростной схватки бандиты были схвачены, а Хирата заслужил горячую благодарность сёгуна. О происшествии заговорили. Чиновники бакуфу, прежде не замечавшие простого подручного Сано, старались все как один заручиться его дружбой. Женщины замка Эдо взглянули на него по-новому, и когда бы Хирата ни появлялся во дворце, его обступали толпы воздыхательниц. Все это происходило на глазах у Мидори.

А теперь и О-хана взялась завлекать его.

– Тысяча благодарностей за избавление от ужасной осы, – пропела она со смущенной улыбкой.

– Мне было даже приятно, – расцвел Хирата.

– Чем мы обязаны вашему приходу? – спросила служанка.

– Я заносил кое-какие отчеты в кабинет сёсакан-самы, – ответил он, – как вдруг услышал ваши крики и решил посмотреть, в чем дело.

О-хана хихикнула, а Хирата рассмеялся. Они так и лучились взаимной приязнью.

Мидори поникла.

Дни напролет Хирата флиртовал с другими, но не с ней. Что еще хуже, он стал получать письма от глав влиятельных кланов, предлагающих своих дочерей ему в жены. В роли свата выступал Сано. Мидори как-то прослышала, что они

затевают о-миаи, знакомство с будущими невестами. Столь откровенное соперничество за благосклонность ее возлюбленного потрясло Мидори, как и перемены в нем самом.

Внимание вскружило ему голову. Мидори, встречавшей его лишь изредка, начало казаться, что он позабыл о ней и о своих чувствах. Хирата, бывало, по привычке приветствовал ее и тотчас срывался на службу, застолье или смотрины. Прошел год, а волна его успеха по-прежнему не убывала.

– Смотри-ка, вон еще оса! – вскричал Хирата, указывая на небо.

Когда О-хана подняла голову, он в шутку зажужжал и ущипнул ее за локоть. Служанка взвизгнула и, когда Хирата рассмеялся, премило надула губки.

Внезапно Мидори стало невыносимо его равнодушие.

– О-хана! – прикрикнула она. – Тебе велено не прохлаждаться, а смотреть за Масахиро-тяном. Ступай!

Метнув на нее обиженный взгляд, О-хана убежала в дом. По ухмылке Хираты Мидори поняла, что он догадывается, почему она отослала девушку. Вдобавок ему явно льстила борьба двух женщин за его расположение. Мидори устыдилась и своей ревности, и его тщеславия.

– Что ж, мне пора. – Хирату переполняло чувство собственной значимости. – Уйма дел, уйма встреч...

Мидори верила, что в глубине души он все еще дорожит ею. Только как возродить в нем былое чувство?

– Когда вы вернетесь? – спросила она с надеждой.

– Думаю, допоздна не задержусь.

Мидори поборола желание спросить, когда снова увидит его. Как объяснить ему, что они подходят друг другу не меньше, чем Рэйко и Сано, и что брак между ними будет таким, о каком он мечтает?

– До свидания, – сказал Хирата.

Когда он повернулся спиной, Мидори осенило.

– Пойдите! – прокричала она.

– Что такое? – В его тоне сквозило нетерпение, и все-таки он остановился, глядя на нее вполоборота.

– Это... это новое дело очень важное? – запинаясь, спросила Мидори. Идея казалась замечательной, хотя и чересчур смелой.

– Очень, – ответил Хирата. – Поджог – преступление серьезное, особенно в храме семьи Токугава.

Мидори собрала с духом и выпалила:

– Может быть, я помогу вам в расследовании?

– Ты? – Хирата оторопел, но тут же запрокинул голову и расхохотался. – Хороша шутка! А ведь я почти поверил!

– Я не шучу, – сказала Мидори, вспыхнув от смущения. Смех Хираты задел ее, зато по крайней мере ей удалось привлечь к себе его внимание, показать, что она готова на все ради него. Только хватит ли этого?

– Я правда хочу помочь.

– Чем? Что ты можешь? – спросил он с сомнением в голосе.

– Ну... – Мидори об этом еще не думала и сказала первое, что пришло в голову: – Все, что вы мне поручите.

Хирата ответил снисходительно-заботливым тоном, от которого Мидори стало еще обиднее:

– Не женское это дело – расследовать преступления.

– Но ведь Рэйко помогает сёсакан-саме, – напомнила Мидори. Совместная работа супругов была, по-видимому, залогом их семейного счастья. Мидори даже решила, что и они с Хиратой могли бы создать подобный союз.

– Рэйко – дочь судьи, – возразил Хирата. – Она часто бывала на слушаниях и разбирается в судопроизводстве, а ты ничего не смыслишь в сыском деле.

– Я могу научиться от вас. – Новый план давал ей повод чаще встречаться с Хиратой, чтобы впечатлить его своей преданностью. Она вовсе не стремилась стать сыщицей, но проигрывать в сравнении с Рэйко ей не хотелось. Красивая и умная подруга вызывала у нее чувство неполноценности, и она решила во что бы то ни стало доказать, что ни в чем ей не уступает. – Вы можете объяснить мне, что делать.

Хирата устало покачал головой.

– Наша работа еще и очень опасна, – сказал он. – Рэйко мастерски владеет мечом. Она может постоять за себя, а тебе в схватке не выстоять. – В деликатных, но не льстивых выражениях он описал Мидори как девушку хрупкую и нежную, которая не знает труда тяжелее поручений госпожи Кэйсо-ин; описал ее изящные руки, ни разу не державшие

оружия. – Тебя могут ранить или даже убить. Ты об этом подумала?

Мидори смутилась. Она знала, что Хирата отговаривает ее не просто так, а из соображений безопасности, но не утешилась этим.

Он не принял ее помощи, а другого способа быть к нему ближе она не изобрела. Все мечты завоевать его сердце рушились. Мидори поникла головой, смаргивая слезы.

– Ведь ты испугалась обычной осы, – поддразнивал ее Хирата. – Куда тебе справиться со злодеями? – Неожиданно он смягчился. – Ну-ну, не грусти. Тебе ведь ни к чему эти игры в сыщиков, я прав? – Он тронул Мидори за подбородок. – Покажи свою красивую улыбку.

Губы Мидори дрогнули, когда она попыталась выполнить просьбу.

– Ну вот, уже лучше, – сказал Хирата. – И постарайся не забивать голову всякими глупостями. Обещаешь?

Мидори нехотя кивнула.

– Скоро увидимся. – Хирата погладил ее по голове, словно ребенка или собаку, и удалился.

Мидори, униженная, смотрела ему вслед, чувствуя, как в груди зреет негодование. Что за покровительственный тон! Теперь она была просто обязана показать Хирате, что чего-то стоит. Вытерев слезы, Мидори с вызовом вздернула подбородок. Она докажет, что не уступает Рэйко, и завоюет любовь Хираты, несмотря ни на что.

По запруженным людьми улочкам торгового района Нихомбаси ехал Хирата верхом на чубаром коне. Крестьяне поспешно уступали дорогу, встречные самураи, увидев гербы Токугавы на шелковом одеянии, уважительно кланялись. Казалось, будто все это – закоулки и торжища, аккуратно заставленные витрины, шумная толпа, безоблачное небо – принадлежит ему. На лице его, полускрытом плетеной широкополой шляпой, и фала довольная усмешка – единственное, что не вязалось с вельможной осанкой чиновника. Жизнь стала прекраснее, чем он мог вообразить.

Всего четыре года назад Хирата обходил эти улицы в звании простого досина – патрульного, низшего чина вооруженной полиции. Ему предстояло всю жизнь разнимать драчунов и ловить мелких жуликов, жить в тесном бараке, чтобы в конце концов жениться на дочери такого же досина и передать сыну свое скромное ремесло.

И вот случай свел его с главным следователем сёгуната, а верность и таланты возвысили до должности первого помощника Сано, в каковой он и оставался с тех пор.

Поначалу, только прибыв в замок Эдо, Хирата жил опасениями – как бы не подвести хозяина и не опозориться, получив в распоряжение сотню других подчиненных, в большинстве своем старше, опытнее и знатнее его. Стремление

остаться на плаву держало Хирату в постоянном напряжении, но в конце концов старания принесли успех и укрепили к нему доверие. Теперь он избавился от первоначальной робости и излишней взыскательности к себе и смеялся, оглядываясь назад.

Сёгун души в нем не чаял, все во дворце искали его расположения, видные кланы соперничали за право породниться с ним. Как только они с Сано закончат расследование убийств в храме Черного Лотоса, будет принято решение, которая из прекраснейших и богатейших девиц на выданье станет его женой. Мысли о женщинах вызвали к жизни воспоминание, выведшее Хирату из состояния благостной мечтательности. Что сегодня нашло на Мидори? Всегда такая милая, беззаботная – и вдруг на тебе! С чего она захотела стать сыщицей? Мидори ему нравилась, они приятно проводили время, но ее нынешние капризы сбивали с толку. Спешиваясь у высокой каменной стены и кованых ворот полицейской управы, Хирата покачал головой. Ох уж эти женщины! Поди их пойми!

Охрана ему поклонилась, конюх увел жеребца. Досин, прибывший с тройкой гражданских помощников и арестантом, закованным в кандалы, поприветствовал его и первым пропустил во двор. Пока Хирата шел мимо казарм и конюшен, бывшие сослуживцы отвешивали ему поклоны. В приемной основного корпуса высились квадратные колонны, поддерживая низкий потолок с незажженными бумажными фонарями. Сквозь потолочные люки и зарешеченные окна

лил ся солнечный свет, пронизывая клубы дыма из трубок многочисленных посетителей, столпившихся перед низким постаментом, на котором восседали четыре секретаря, принимавших граждан и отправлявших рассыльных.

– Добрый день, Хирата-сан, – произнес один из них, главный секретарь Утида. Его подвижная, комичная физиономия расплылась в улыбке. – Чем могу быть сегодня полезен?

Хирата часто обращался в полицейскую управу в поисках сведений, а Утида был сущим кладезем свежих сплетен и новостей.

– Мне понадобится ваша помощь в опознании женщины и ребенка, что погибли в пожаре у храма Черного Лотоса, – ответил Хирата.

– Стало быть, вы хотите знать, не заявлял ли кто об исчезновении людей? – подсказал Утида. После кивка Хираты он соорудил унылую мину и произнес: – К сожалению, проследить судьбу отдельных лиц в этом городе очень непросто.

– Знаю, – ответил Хирата.

Все горожане по месту жительства объединялись в группы с выборным старостой во главе, которому поручалось вести учет новорожденных, умерших, приезжих и выбывших на вверенной ему территории. Чиновники замка Эдо производили перепись дворов даймё и предводителей бакуфу. Гигантские по объему регистрационные записи хранились в местных храмах. В полицейской же управе о происшествиях в патрулируемых районах двести сорок досинов докладыва-

ли непосредственному начальству из пятидесяти ёрики, а те накапливали донесения в своих кабинетах. Таким образом, сведения, разыскиваемые Хиратой, существовали, но до них еще надо было добраться.

– Потому я в первую очередь понадеялся на вас.

– Что ж, слышал я о нескольких исчезновениях... – Лицо Утиды сморщилось в гримасе крайней сосредоточенности. – Весной из квартала увеселений в Ёсиваре пропала шестнадцатилетняя куртизанка.

– Не годится. Погибшая была старше, – сказал Хирата. Описание жертв ему прислал Сано из покойницкой с посыльным.

– В прошлом месяце приходил портовый грузчик с просьбой найти его престарелую мать.

– Слишком стара.

– Еще была женщина, сбежавшая из дома в Суруга-дай несколько дней назад, замужем за зеленщиком. Ей тридцать четыре.

– Уже ближе. – Записав имена супругов, Хирата спросил: – А как насчет маленьких мальчиков?

– В Кёбаси был один случай. – Хирата приободрился, но Утида тут же добавил: – Пропал мальчик девяти лет.

Если верить доктору Ито, погибший ребенок был гораздо младше.

– В остальных известных мне случаях речь шла о взрослых.

– Ясно, – ответил Хирата без тени расстройства.

Он полагался на свои силы, удачу и озарение, которое рано или поздно придет и избавит от необходимости сутками рыться в пыльных архивах. Хирата поблагодарил Утиду и отправился к большой конторе в задней части здания. Два десятка писцов сидели за столами, подготавливая приказы и докладные. Едва появился Хирата, как все они тотчас отложили кисти и согнулись в поклоне.

– Повелеваю составить объявление, – произнес Хирата, с отрадой наблюдая суету писарей, достающих чистую бумагу и готовящихся строчить под диктовку.

В его бытность рядовым досином никто из этих напыщенных сановных отпрысков и ухом не повел бы в его присутствии.

– "Господин главный следователь желает установить личности женщины и ребенка, найденных мертвыми после пожара в храме Черного Лотоса, – продиктовал он. Зачитав описание жертв, данных Сано, Хирата продолжил: – Располагающие какими-либо сведениями по этому делу обязаны доложить о них в полицейское управление Эдо".

Когда писцы закончили работу, он сказал:

– Сделайте тысячу копий, но сначала запишите другой приказ и разошлите всем ёрики: "Каждый досин должен прикрепить указанную бумагу на все доски для объявлений и раздать старостам районов".

В воздухе замелькали кисти – писцы принялись размно-

жать приказы. Хирата взял несколько копий, чтобы распространить по дороге к Суруга-дай. Когда он проходил через приемную, его поманил Утида.

– Могу я дать вам совет? – Главный секретарь говорил вполголоса, чтобы не расслышали посторонние. Лицо его было мрачно. – Кто высоко поднимается, тому более па-
дать. Идя на поводу у гордыни и честолюбия, можно рас-
статься с тем, что действительно дорого.

Хирата рассмеялся.

– Спасибо, но вам не о чем беспокоиться!

И он вышел из управы, довольный собой. Если убитая женщина – пропавшая жена зеленщика, возможно, он суме-
ет разгадать тайну убийцы и поджигателя. А нет – так нач-
нет разбирать архивы. Тем временем отклики на объявления
наверняка дадут что-то ценное для следствия. Да, и если по-
явится шанс, он должен узнать, чем вызвана странная при-
хоть Мидори.

Хожу я в поисках существ,
обреченных страдать,
Рождаясь, старея, боля и печалясь.
Всем, кто примет мою истину,
Дарую высшее наслаждение.
Сутра Черного Лотоса

Усадьба начальника полиции Оямы находилась к юго-востоку от замка Эдо, в Хаттёбори, где жил и Сано в годы службы в вооруженной полиции. Район Хаттёбори можно было по праву назвать плотницким.

Сано гнал коня мимо мастерских, где пилили, строгали и полировали древесину, выделявая из нее всевозможные двери и балки, половицы и опоры, не говоря о мебели. В теплом полуденном солнце древесная пыль сверкала золотом. По ту сторону высоких заборов множились жилища процветающих купцов, снабжающих город строевым лесом. Торговля здесь шла полным ходом; по каналам сновали туда-сюда баржи, груженные деревом.

Сано остановился у прилавка со снедью – перекусить жаренной на бамбуковых шпажках рыбой, рисом и чаем. За едой он наблюдал, как грузчики волокут мешки с рисом, бочонки с солью и прочей бакалеей от набережной к мастерским. Запах канальной тины мешался с чадом открытых жа-

ровен. Через толпу обывателей ехал облаченный в легкие доспехи ёрики в сопровождении подручных.

Сано криво усмехнулся, вспоминая свою недолгую службу в качестве полицейского сыщика. Ёрики из поколения в поколение служили дому Токугава, в связи с чем отличались изрядной напыщенностью. Сано, оказавшийся в их кругу случайно, считал своим долгом служение справедливости, а не соблюдение церемоний. Товарищи не замечали его, начальство критиковало, а полицейские чины изгнали за неповиновение. Зато в итоге непохожесть Сано вкупе со счастливым поворотом судьбы обеспечили ему нынешнее высокое положение.

Он доел рыбу и поехал дальше по лабиринту густонаселенных улочек к комплексу зданий самурайского гарнизона с полицейской управой в центре, расположенному в южной части правительственного округа Эдо. Здесь находился дом Оямы. Высоко над оштукатуренной белой стеной возносились черепичные крыши двухэтажного особняка, дома стражи и слуг, конюшни и лабазы. Над жилищами мелких полицейских начальников виднелись сторожевые вышки. Сано подозревал, что здания гарнизона были построены на грязные деньги – по слухам, ёрики не гнушались взяточничеством. Напротив двустворчатых ворот, задернутых траурным пологом, он слез с коня и представился страже.

– Я расследую смерть достопочтенного начальника Оямы, – сказал Сано, – и должен поговорить с его родственни-

ками.

Семья Оямы состояла из двух сыновей и дочери. Ввиду того что дом был полон друзей и родни покойного, прибывших утешить сирот, Сано приняли в крытом павильоне посреди сада камней. Дети Оямы расселись на корточках напротив следователя. Старшему сыну Оямы, Дзинсаю, было двадцать с небольшим. Худощавый и впечатлительный, он казался полной противоположностью отцу, их родство выдавали лишь прямые брови. Умные глаза юноши смотрели устало, а черное кимоно и лучи солнца, пробивающиеся сквозь решетчатые стены павильона, подчеркивали нездоровую бледность лица. Растерянный, остановившийся взгляд выдавал в нем человека, на которого внезапно свалилась большая ответственность.

Когда служанка подала чай и поднос с курительными принадлежностями, Дзинсай нетвердой рукой зажег трубку и глубоко затянулся, словно хотел поскорее ощутить успокаивающее действие табака.

– Наша мать и дед с бабушкой умерли много лет назад, – объяснил он, – поэтому мы остались последними в семье, не считая дальней родни.

Юноша представил сидящих по обе стороны от него брата и сестру. Коренастый младший брат Дзюнио, как все молодые самураи, не достигшие совершеннолетия, носил длинные волосы, собранные сзади в хвост. Сестра Тиёко, невзрачная девушка в скромном коричневом кимоно, судя по всему,

была средней по возрасту.

– Позвольте выразить соболезнования по случаю кончины вашего почтенного отца, – сказал Сано.

– Большое спасибо. – Старший сын смотрел на него в замешательстве, гадая, зачем пришел Сано. С Оямой его не связывали ни знакомство, ни долгая совместная служба, а значит, у него не было явных причин показываться на поминках. – Можем ли мы чем-то помочь вам?

– Мне очень неловко тревожить вас в такой день, но я должен задать вам несколько вопросов касательно смерти вашего отца.

Дзинсай выглядел озадаченным.

– Простите, если я чего-то недопонял. Ведь вы, как я слышал, расследуете пожар в храме Черного Лотоса, а мой отец погиб из-за того, что оказался в сгоревшем доме. Случайная смерть от огня... что тут может быть неясного?

– С прискорбием сообщаю, что смерть вашего отца была не случайной. Его убили. – И Сано рассказал об ударе, лишившем Ояму жизни.

– Понятно... – Лицо Дзинсая помрачнело. Сано знал, что он ходил у отца в помощниках и ознакомлен с основами ведения дознания. – Члены семьи потерпевшего подозреваются в первую очередь, так как у них больше поводов для недовольства и претензий на наследство. – Дзинсай снова затянулся, с удрученным видом выдохнул дым и покачал головой. – Но если вы думаете найти здесь убийцу, то будете

разочарованы. У нас были причины недолюбливать отца, что правда, то правда, только мы с его смертью потеряли значительно больше, чем приобрели.

– А точнее? – спросил Сано.

На некоторое время воцарилось молчание. Из дома долетал низкий гул голосов, воздух наполнился дымом курильниц с погребального алтаря. Валуны в саду отбрасывали резкие тени на залитый солнцем песок. Младшие брат с сестрой горестно поникли головами. Лицо Дзинся отражало сильную душевную борьбу: как ни претило ему отзываться плохо о покойном и посвящать посторонних в дела семьи, долг главы семьи обязывал его защитить себя и своих близких.

Наконец он натянуто произнес:

– Наш отец не отличался бережливостью. Он не задумываясь тратил деньги на выпивку, женщин, игры и шумные сборища. Еще он делал щедрые пожертвования секте Черного Лотоса, так что мы... едва сводили концы с концами.

Традиция предписывала самураям жить на широкую ногу, относиться к деньгам с презрением и избегать разговоров о них. Сано стало жаль Дзинся, который покраснел от стыда, признаваясь в мотовстве родителя.

– Я упрашивал его быть экономнее, но все без толку. Теперь, когда он погиб, ростовщики потребовали полной уплаты долгов. Нам в наследство достался лишь этот дом, да и его мы не в состоянии содержать. Придется искать себе жилье поменьше и распустить большую часть вассалов и прислуги

– попросту вышвырнуть на улицу. – Он вздохнул и угрюмо добавил: – Убийства часто совершаются из-за денег, но не в нашем случае. Состояние семьи Ояма, накопленное поколениями, было некогда велико, и его хватило бы на ведение хозяйства после погашения долгов, если бы наш отец не завещал двадцать тысяч кобанов секте Черного Лотоса⁷. В течение многих лет отца мучили сильные боли в желудке, – продолжал Дзинсай. – Ничто не приносило ему облегчения. Однажды он посетил храм Черного Лотоса, и первосвященник его исцелил. Свершилось чудо. Отец был так благодарен ему, что тоже решил вступить в секту. Мне остается лишь принять его волю и передать завещанную им сумму Черному Лотосу.

Итак, Сано предстояло выяснить, знало ли руководство секты о завещании, поскольку двадцать тысяч кобанов были неплохим мотивом для убийства. В этом случае Хару могла оказаться ни в чем не повинным свидетелем. Сано гадал, удалось ли Рэйко вызвать ее на откровенность. С семейством Оямы, впрочем, прощаться рано – убийство могло быть совершено и на другой почве.

– Как старший в семье, вы унаследуете пост отца в отделе полиции, ведь так? – сказал Сано Дзинсаю. – И статус главы клана.

---

⁷ Многие миряне верили, что помощь религиозным общинам есть путь добродетели, ведущий к благословию в этой жизни и достижению нирваны в будущих циклах перерождения. – Примеч. авт.

Губы юноши скривились в горькой усмешке.

– Вы спрашиваете, не убил ли я его из-за положения, жалования и власти⁸? Отвечу: я не убивал отца, а если бы и убил, дожидаясь назначения на пост начальника полиции, то оказался бы настоящим безумцем. Вчера вечером сюда прибыли посланцы бакуфу и объявили, что я слишком молод для столь ответственной должности. Ее займет кто-то другой, а я так и останусь подручным с тем же скромным жалованьем, пока мне не удастся выслужиться и заработать повышение. Вот если бы, – произнес он с сожалением, – мой отец прожил еще лет десять и передал мне свое дело, я бы выгадал больше. Да, теперь я глава рода, но... – Дзинсай горестно развел руками, – что за радость править опозоренным, обедневшим семейством?

Помолчав, он добавил:

– На случай если вы заподозрите в происшедшем моих брата с сестрой, могу заверить, что для них смерть отца оказалась еще более несвоевременной.

По его знаку младший брат заговорил.

– Я должен был прислуживать Дзинсай-сану в работе после того, как он займет место отца, – сказал он робким ребяческим голосом. – Теперь мне остается лишь ждать, когда подыщется какая-нибудь должность. – И он совсем сник.

– Вы же знаете, сколько в бакуфу служивых людей. Казны

---

⁸ Исторически самураи часто продвигались по службе, устраняя собственных родичей. – Примеч. авт.

еле хватает, чтобы всех прокормить, – сказал Дзинсай. – Раз денег нет, чтобы пристроить брата, значит, я буду вынужден его содержать.

Его сестра прикрыла лицо веером и пролепетала:

– Один видный чиновник сделал мне предложение...

– Да, эта партия вернула бы нашему дому почет и процветание, – подхватил Дзинсай, – но нынче утром чиновник прервал предсвадебные переговоры, узнав о постигшем нас бедствии. Теперь едва ли кто-то из нашего круга захочет жениться на бесприданнице. Сестре придется коротать век в одиночестве или постричься в монахини.

– Я вам очень сочувствую, – сказал Сано, видя, что дети Оямы и впрямь пострадали сильнее, чем предполагалось. – Тем не менее я должен задать вам вопрос: где вы были в ночь перед убийством и на следующее утро?

– Дома, – ответил Дзинсай.

Его брат и сестра кивнули. Сано собирался послать своих сыщиков, чтобы те расспросили слуг и приближенных Оямы на случай, если они видели кого-то из усадьбы рядом с местом преступления, но теперь понял, что дальнейшие расспросы лишь снимут подозрения с домочадцев Оямы, и решил вновь сосредоточиться на храме Черного Лотоса.

Дзинсай промолвил:

– Позвольте задать вам вопрос, сёсакан-сама? Мы слышали, что в доме были найдены еще два тела. Кому они принадлежат?

– Пока неизвестно, – ответил Сано. – Я надеялся, кто-то из местных поможет опознать мертвых женщину и ребенка.

– Из нашего поместья никто не пропадал, – сказал Дзинсай, – да и в семьях отцовских друзей и сослуживцев все целы, насколько я знаю.

– Не вспомнишь ли ты кого-то, кто мог желать зла вашему отцу? – спросил Сано.

– За годы службы отец нажил немало врагов, – ответил Дзинсай. – Пойманные им преступники, бандиты, недовольные вмешательством в их грязные дела, соперники-сослуживцы, обманутые мужья... – Юноша назвал несколько имен, которые Сано не преминул записать. – Если бы расследование вел я, то в первую очередь подозревал бы уютную девчонку, найденную возле пожарища.

– Почему? – полюбопытствовал Сано, готовый принять любые доказательства, связывающие Хару с убийствами и поджогом.

– Если вы не против, я хотел бы обсудить это наедине. – Дзинсай покосился на брата с сестрой.

Сано согласился; те тотчас поклонились и вышли.

– Мне не верится, что бандитам, преступникам и рогосцам было известно, что отец той ночью находился в храме Черного Лотоса. Зато обитатели храма знали наверняка, особенно его женская половина. – Посуровев, Дзинсай объяснил: – Отец часто пользовался статусом покровителя секты, чтобы совращать сирот и послушниц. Когда бы он ни

посещал храм, всегда выбирал девушку и предавался с ней плотским утехам. Однажды он взял меня с собой, уговаривая вступить в секту, сулил те же привилегии... Хару он представил мне как одну из своих фавориток.

– А руководство секты знало о его отношениях с Хару и прочими? – спросил Сано и подумал: "Если да, то вчера они умолчали об этом".

– Может, знали, а может, и нет. Вам ведь известно, как это бывает.

Сано кивнул. Некоторые нечистоплотные секты использовали своих женщин для завлечения новичков, а монахини в таких общинах немногим отличались от проституток, чьи заработки уходили на содержание храмов. Тем не менее бакуфу не поощряло подобные гнусности, истребляя преступные секты. Быть может, Ояма творил распутство втайне от руководства Черного Лотоса, грозя девушкам расправой, если те проговорятся? Хотя возможно и противоположное: послушницы терпели надругательства в расчете на щедрость Оямы.

– Я готов поклясться, что Хару ненавидела отца, – продолжал Дзинсай. – При встрече она плюнула ему под ноги, а затем убежала. Отец тогда засмеялся и сказал, что ее норы придает остроты их свиданиям. Возможно, она убила его в отместку за изнасилование и подожгла дом, чтобы замести следы.

– Звучит убедительно, – ответил Сано, хотя в перепуганной девчонке, виденной им вчера, было трудно заподозрить

жаждущую мести женщину, какой ее живописал Дзинсай.

Кроме того, ненависть к Ояме не давала повода для убийства еще двух человек. Но даже если предположить, что Хару проломила чиновнику голову и свернула шею ребенку, она не смогла бы задушить взрослую женщину – для этого требовалось иное телосложение и недюжинная сила. Еще Сано недоумевал, почему Хару, будь она убийцей, не скрылась с места преступления до прибытия пожарных.

– Отца убила Хару, – произнес Дзинсай надтреснутым от едва сдерживаемой ярости голосом. – Что бы он ни сотворил с ней, это не оправдывает всех зол, которые она навлекла на наш род. Я хочу, чтобы ее казнили.

– Если я сумею доказать ее вину, так и будет, – заверил его Сано.

Раскланявшись с Дзинсаем, он решил отложить дознание в храме Черного Лотоса и вернуться в замок Эдо, куда должна была прибыть Рэйко. Дома они сопоставят услышанное и разберутся, кем была Хару в этой истории – простой очевидицей или искомой преступницей.

Внемлите же предупреждению,
 что посылаю вам,
 Ибо мир сей есть пристанище злых
 духов и ядовитых тварей,
 Всепожирающего пламени и
 множества бедствий,
 Без конца сменяющих друг друга.
 Сутра Черного Лотоса

Рэйко и ее спутники прождали целый час в узкой улочке снаружи храма Черного Лотоса, но монах так и не появился. Один из сопровождающих принес госпоже миску лапши и чашку чаю с уличного прилавка, и Рэйко съела все в паланкине, не выпуская из виду храмовые ворота. У входа толпились служители, монахини, паломники, но юноши, умолявшего ее о встрече, среди них не было. Колокола пробили час овцы⁹. Лучи полуденного солнца окутали земляной вал бронзоватой дымкой. Рэйко теряла терпение. Если монах вскоре не появится, она отправится домой к Масахиросу.

Ей вдруг вспомнилось, с какой убедительностью настаивал монах на встрече. Шпиона за доктором и настоятельно-

---

⁹ В средневековом Китае и Японии сутки разделялись на часовые периоды, или стражи, в соответствии с восточным зодиакальным циклом. Час овцы приходился на полдень – с 11 до 13 часов. – Примеч. пер.

цей, он рисковал быть сурово наказанным. Ему могло быть известно, кто подпалил дом и нанес раны Хару.

Рэйко открыла дверцу паланкина и вышла.

– Ждите здесь, – объявила она провожатым и отправилась по улочке, зажатой меж высокими стенами, окружающими храм Черного Лотоса.

Монах не сказал, где именно они должны встретиться. Возможно, он боялся, что их увидят вместе. Рэйко свернула в узкий проулок позади храма. Из-за стены тянулись кверху искривленные стволы сосен, отбрасывая сумрачные, прохладные тени на песчаную дорожку и редких пешеходов. В воздухе, тяжелом от запаха смолы, благовоний и уличных отбросов, разносилось монотонное гудение молитвы.

Пробираясь вдоль стен, Рэйко уже подумывала проскользнуть через задние ворота и поискать монаха там, как вдруг в сосновых ветвях прямо над ней послышался шорох. Не успела она поднять голову, как с дерева кто-то сорвался и шлепнулся наземь. Рэйко вскрикнула от неожиданности: тот самый монах! Его бритая голова и оттопыренные уши были засыпаны хвоей, в глазах застыл ужас. Он поднялся с колен и схватил Рэйко за руку.

Увлекая ее вниз по улочке, монах прохрипел на последнем дыхании:

– Пожалуйста, пойдемте!

Он был жилистый, хотя и ненамного выше Рэйко. Его тонкие пальцы больно впились ей в запястье.

- Куда вы меня тащите? – Дерзость монаха возмутила ее.
- Скорее, – молил он, – пока они не догнали!
- Кто "они"?

Вместо ответа монах испуганно оглянулся. На вид ему было не больше шестнадцати – под носом и на подбородке пробивалась редкая черная щетина. Его гладкая кожа покраснела и покрылась испариной. В конце концов любопытство одержало верх, и Рэйко против воли побежала вслед за юнцом. Они неслись во весь дух, пока не остановились перед маленьким синтоистским святилищем. Монах протащил Рэйко через ворота-тории и увлек в тень сосен, где расположились площадка для молений, кадильница, гонг и маленький деревянный навес – приют духа божества. Там он упал на колени возле высокого каменного фонаря и затараторил, поспешно кланяясь:

– Простите, что притащил вас сюда, но я в отчаянии. Мне не к кому больше обратиться... – Подбородок юноши дрогнул, и он зарыдал, сипло, отрывисто всхлипывая.

Потребность в сведениях побудила Рэйко утешить того, кто так явно нуждался в поддержке.

– Я здесь для того, чтобы вас выслушать, – мягко сказала она. – Успокойтесь.

– Нет времени! Они знают, что я убежал. Они следят за мной. Вот почему я не мог выбраться из храма раньше.

– Кто за вами следит? – спросила Рэйко, все больше запутываясь. – Кого вы боитесь? Скажите хоть, как вас зовут!

Монах проглотил слезы и попытался унять дрожь, стиснув зубы.

– После пострига мне дали имя Истинное Благочестие, но до того, как вступить в секту, я звался Мори Гогэн. – Фамилия и правильный выговор выдавали в нем выходца из самурайского сословия. – Я видел, как вы разговаривали с настоятельницей, и краем уха услышал, что ваш муж состоит сёсакан-самой при сёгуне. – Когда Рэйко кивнула, Истинное Благочестие выпалил: – Мне нужна его помощь!

– Посмотрим, что можно сделать, – сказала Рэйко, – но сначала вы должны объясниться.

Она старалась сохранять спокойствие, однако тревога собеседника передалась ей.

– Что вас беспокоит?

– Секта Черного Лотоса творит зло! – От исступления он сорвался на крик. – Мне этого больше не вынести! Я хочу убежать!

Рэйко охватило волнение.

– Расскажите же, что случилось? – допытывалась она.

– Моя семья служит дому Курода, – начал юноша, утирая лицо драным засаленным рукавом. – У нас всегда почитали религию. Прошлой зимой мой отец подружился с двумя бонзами из Черного Лотоса. Они часто приходили к нам на совместные молитвы, а потом пригласили в свой храм. Там мы познакомились с первосвященником Анраку и убедились, что он один знает истинный путь Будды. Я решил вступить в

монастырь, а старшая сестра Ясуэ – постричься в монахини. Мы надеялись снискать просветление. Увы, жизнь в храме обманула наши ожидания. – Голос Истинного Благочестия исполнился горечи. Он встал, опасливо выглянул из-за фонаря и продолжил: – Нас, послушников, заставляли ежеминутно твердить сутры, медитировать, слушать гонг и молиться Анраку. Кормили нас одним супом из водорослей, спать давали не больше двух часов за ночь. В молельнях стоял такой густой дым, что мы чуть не задохались. Ноги от сидения на коленях болели, от жидкого супа всех мучили колики и понос. Мыться не разрешали, а тех, кто жаловался или отказывался подчиняться, жестоко избивали. Священники обзывали нас глупыми ничтожествами, говорили, что если мы не пройдем обучения, то будем снова и снова возрождаться для бессмысленных страданий.

Рэйко слышала о строгих уставах, постах и умертвлении плоти, обычных в буддийских общинах, но упомянутое больше походило на пытки, чем на соблюдение монастырских правил.

– Если все было настолько плохо, почему вы не ушли?

– Не могли, – ответил Истинное Благочестие. – Священники пристально следили, чтобы никто не выходил из храма.

– Ваша семья наверняка не допустила бы подобного обращения с вами, – сказала Рэйко. – Да и закон запрещает сектам удерживать людей против их воли.

Истинное Благочестие ломал руки и переминался с ноги

на ногу, словно готовился чуть что пуститься в бег.

– Никто не знает, что здесь творится. Нам не разрешается говорить с посторонними.

– Бонзы и монахини, которых я видела в храме, выглядят вполне сытыми и довольными, они вольны находиться рядом с прихожанами.

Истинное Благодетельство горько усмехнулся:

– Это посвященные, ближний круг. Им достается лучшая еда и прочее. Они заняты сбором подаяний и вербовкой новичков. Их показывают властям и народу, потому что они никому не расскажут правды о секте. Черный Лотос поработил их души.

Чем дальше, тем невероятнее!

– Сколько там всего послушников вроде тебя? – спросила Рэйко.

– Многие сотни. Я не знаю точного числа, ведь нас держат отдельно и видимся мы мимоходом.

– Но где же они? Как секте удастся скрывать их от всех?

– Наши кельи находятся в здании возле монастыря, – сказал Истинное Благодетельство. – Стены в них обиты толстой тканью, чтобы заглушать звуки. Посторонних туда не допускают.

Рэйко вспомнила обособленные постройки, спешащую мимо них Дзюнкецу-ин и еле слышное бормотание изнутри.

– Храм больше, чем все думают. – Истинное Благодетельство наклонился к Рэйко, его глаза заговорщически блеснули. –

То, что вы видели, – лишь надземная часть, ширма для отвода глаз. У Черного Лотоса всегда найдется что и где спрятать. Существуют подземные застенки, туннели, ведущие наружу. Он словно чудовищный муравейник – все опутал своими ходами!

Качая в изумлении головой, Рэйко спросила:

– Неужели никто этого не замечает? Как такое произошло?

– Произошло и сейчас происходит. Я сам видел, – клялся послушник. – После шести месяцев обучения нас отправили на рытье туннелей. Мы работали по ночам. Туннели тянутся под улицами, поэтому наши соседи не слышат шороха под полом. – От возбуждения его била нервная дрожь. – Днем мы трудимся в лавке на храмовой территории, переписываем на продажу изречения первосвященника Анраку. Я должен был быть там, но сбежал. Не успел я добраться до ворот, а они уже выслали патрули на поиски. Сейчас им известно, что я покинул храм. Они будут все обшаривать, пока не найдут меня.

Я пропал!

– Но если вас, недовольных, так много, почему вы не сплотитесь и не выберетесь наружу? – спросила Рэйко в замешательстве.

– Все не так просто. Они засылают шпионов в наши ряды, чтобы доносить на тех, кто замышляет побег. У нас никому нельзя верить. Рано или поздно от всех этих бараба-

нов и гонгов, дыма, чтения сутр, тяжелой работы и недосыпания рассудок слабеет. Начинаешь волей-неволей подчиняться, потому что на другое уже недостает ума. И они добавля­ют нам что-то в пищу – отраву, которая отупляет нас еще больше. Я это случайно выяснил, когда заболел в прошлом месяце. Меня постоянно рвало, желудок ничего не усваивал. Зато мои мысли совершенно прояснились – в первый раз с тех пор, как я попал в храм. Я понял, что со мной произошло, решил освободить сестру и бежать с ней...

Рэйко совсем не то ожидала услышать, но эта невероятная история пленения и рабства звучала так искренне... Что, если пожар тоже был каким-нибудь кошмарным обрядом?

– Когда я поправился, то вернулся к работе и вел себя как ни в чем не бывало, – продолжил Истинное Благочестие, – только перестал есть. Дождался, когда священники отвернутся, и выбрасывал свою порцию...

Только теперь Рэйко обратила внимание на его заострившиеся черты и выпирающие кости.

– Дух мой окреп, и я стал готовиться к побегу. Ночью третьего дня я дождался, когда все заснут и патруль, стерегущий нас, уйдет в другую часть здания. Потом выбрался из окна и пробрался тайком в монастырь – разбудить Ясуэ. Я хотел провести ее через двор, но мой план провалился. Ведь я никогда не бывал ночью снаружи и думал, что в такой поздний час там темно и безлюдно. Оказалось, что в постройках горит свет, из дома в дом снуют священники и монахини. До

нас доносились всякие странные звуки. Ясуэ испугалась и стала проситься обратно, так что мне пришлось тащить ее силой. Уже показались ворота, как вдруг я услышал топот и увидел позади нас священников с фонарями. Потом они рассыпались по участку. Я понял, что нас хватились.

Послушник часто дышал, в его остановившемся взгляде читался ужас от пережитого.

– Мы скрылись в лесу, но они заполонили всю округу. Сестра была настолько опоена их зельем, что вырвалась и убежала от меня. Кто-то сразу закричал "Вот она!", и на моих глазах трое мужчин схватили и уволокли ее прочь. Остальные отправились следом. Судя по всему, они не знали, что нас двое. Я хотел броситься за ними и освободить Ясуэ, однако бонз было слишком много. У меня оставался шанс убежать, но я не мог бросить сестру. Поэтому пробрался обратно в спальню в надежде, что другая ночь будет удачнее. Утром Ясуэ предстояло публичное наказание, обычное для всех, кого поймали при попытке бежать, но ее нигде не было. Когда я спросил, где сестра, мне сказали, что ее перевели в другую группу. Но меня им не обмануть! – Истинное Благочестие прижал ко рту ладонь, чтобы сдержать душившие его рыдания. – Ее убили!

Рэйко, опешив, спросила:

– Откуда вы знаете?

– Наутро случился пожар, после которого нашли тело женщины, – выдавил тот, заливаясь слезами. – Вчера я под-

слушал разговор священников с сыщиками, где они рассказывали, что из храма никто не пропадал. А сегодня доктор Мива сказал, что никто не знает эту женщину. Так вот, это ложь. Моя сестра пропала. Я порасспрашивал всех, кого смог, и все вокруг обыскал... Ее нет в других группах послушниц. Ее никто не встречал.

Рэйко охватило возбуждение и вместе с тем сострадание к стоящему перед ней юноше.

– А как же ребенок, погибший в огне? – спросила она.

– Я не знаю, чей он был.

– Может, один из приютских сирот? – Если доктор Мива и настоятельница солгали о женщине, то могли солгать и о ребенке.

– Там не только сироты, – уточнил Истинное Благочестие. – Среди них много детей членов секты, зачатых и рожденных в стенах храма.

Новость потрясла Рэйко.

– Как, разве жрецам и монахиням позволена интимная близость¹⁰?

– Черный Лотос растит детей на смену нынешним последователям. Частые побои и скудная пища в приюте считаются началом их подготовки. Это своего рода проверка физической и духовной стойкости. Самые сильные со временем возглавят секту, а слабые останутся у них в услужении. А ес-

---

¹⁰ Буддийскому духовенству обычно предписывалось блюсти обет безбрачия. – Примеч. авт.

ли кто не выживет... – Здесь Истинное Благочестие умолк, испустив тяжкий вздох. – Я слышал об исчезновениях детей из приюта. Как нам объясняли, их усыновляют добрые люди, но мне в это не верится. Ребенок из хижины скорее всего умер от голода и побоев, а поджог был подстроен священниками, чтобы избавиться от тела.

Едва опомнившись от потрясения, Рэйко засомневалась: слишком уж дико звучали откровения о детях, выбраковываемых на манер скота, и о вопиющей жестокости сектантов. Размышляя, не выдумал ли монах эти небылицы, чтобы заручиться ее поддержкой, Рэйко не могла не заметить, что те подтверждают ее собственную версию о Хару как жертве. На теле девушки тоже виднелись следы побоев, а ведь она утверждала, что была счастлива в храме. Неужели удар по затылку стер воспоминания не только о пожаре, но и об избиении?

Может, она тоже пыталась сбежать, как сестра Истинного Благочестия, и была поймана, а потом ухитрилась спастись из огня, где иначе сгорела бы вместе с другими свидетелями зверств сектантов?

– Я лишь предположил, что случилось с ребенком, – заметил Истинное Благочестие. – А вот в судьбе Ясуэ сомнений нет. Черный Лотос убил ее.

– Чтобы она не смогла рассказать посторонним о том, как обращаются с монахами и послушниками, и о подземных ходах? – Рэйко гадала, не провинилась ли в том и Хару.

– Не только. – Он еле выдавливал слова, сотрясаясь в ры-

даниях и горестно всхлипывая. — Я подслушал разговор священников. Черный Лотос готовит какой-то секретный план. Ясуэ, похоже, что-то видела, и они решили заставить ее молчать.

Заточение, рабство, пытки, а теперь и злодейский заговор — от этого перечня обвинений у Рэйко голова пошла кругом.

— Что за план?

— Я ходил туда прошлой ночью. Я все слышал и видел. Теперь мне известно, что они замышляют! — Его речь, речь человека на грани истерики, перешла в бессвязное бормотание, в расширенных зрачках отражался ужас. — Если они это выяснят, я тоже погиб!

— Я не смогу помочь, пока вы не скажете...

Юноша, рыдая, вцепился ей в плечи.

— Наша страна в большой опасности! Вы должны предупредить всех! Убедите мужа спасти нас!

Боль от хватки и неистовость его мольбы испугали Рэйко. В страхе за себя она вскричала:

— Да пустите же!

Вырвавшись, Рэйко попятилась к воротам, но Истинное Благодетельство не отставал. Рухнув на колени, он схватил подол ее кимоно, пытался прильнуть к ногам, словно не замечая испуга, вызванного его настырностью.

— Прошу вас, не бросайте меня! Помогите!

В этот миг Рэйко слышала быстро приближающиеся со стороны святилища шаги. На землю легла чья-то тень. Обер-

нувшись, Рэйко увидела двух священников, стоящих в воротах-ториях, заслоняя свет. Один из них был старик с вытянутым лицом. Второй, помоложе, отличался крепким сложением и невыразительной, словно высеченной из камня, физиономией. Завидев их, Истинное Благочестие со свистом втянул воздух, отпустил Рэйко и, спотыкаясь, попятился к деревянной кумирне. От страха его черты заострились еще больше, и он взвыл не своим голосом:

– Уйдите! Оставьте меня в покое!

Пока дюжий бонза подбирался к монаху, его напарник обратился к Рэйко исполненным беспокойства тоном:

– Он не причинил вам вреда, достопочтенная госпожа?

Обескураженная неожиданным появлением священников и переменой в собеседнике, Рэйко пролепетала:

– Нет-нет, со мной все в порядке.

– От имени храма Черного Лотоса приношу свои извинения за каждую неприятность, доставленную вам Истинным Благочестием, – произнес старик с любезной улыбкой. – Брат наш страдает от умственного расстройства. Едва сиделка отошла, он выбрался из лечебницы.

Второй священник сгреб монаха в охапку, и тот, вырываясь, закричал:

– Пустите! Помогите! Они меня убьют!

Рэйко совсем растерялась. Кому из них верить? Старик как будто рассуждал здраво, но и монах был очень убедителен в своем страхе.

– Он говорил, что ему грозит опасность, просил о помощи.

Священник печально покачал головой.

– Признаки душевной болезни. Опасен он сам. Наш долг – сделать так, чтобы он не навредил ни себе, ни окружающим. – Видя, что напарник распластал Истинного Благочестия на земле, старик вытащил из-под одеяния шнурки и связал визжащего, корчащегося монаха по рукам и ногам. – Он проявляет дурные наклонности в отношении женщин. Вам повезло, что мы подросли вовремя.

– Не верьте им! – крикнул Истинное Благочестие Рэйко. – Не дайте им забрать меня! Черный Лотос творит зло! Горы рухнут, столицу поглотит пламя! Воды принесут с собой смерть, и в яд обратится воздух! Небо восплает, а земля разверзнется! Вы должны предотвратить катастрофу!

Священник заткнул ему рот кляпом. Монаха скрутило в рвотном позыве, он стонал и пытался высвободить руки, но священники как ни в чем не бывало подняли его и сообщая вынесли из ворот.

– Стойте! – Рэйко бросилась за ними. Слова Истинного Благочестия, может, и походили на бред безумца, но и бонзам – пособникам Дзюнкецу-ин и доктора Мивы, которые подозревались в убийстве и хотели помешать следствию, – нельзя доверять. Монах нужен был ей как свидетель, чей рассказ мог спасти Хару. – Я хочу убедиться, что с ним все будет в порядке.

Оказавшись на улице, члены секты затолкали монаха в паланкин и заперли дверцу.

– Мы отвезем брата Истинное Благодение в лечебницу, где за ним будет вестись надлежащий уход, – сказал Рэйко старый священник. – Ради вашей же безопасности не пытайтесь увидеться с ним.

Они подняли паланкин за рукоятки и затрусили по переполненной народом улице к храму.

Рэйко беспомощно смотрела им вслед. Возвращаясь к своим спутникам, она задавалась вопросом, помогут ли ее расследования Хару или же навредят. Которому из противоречивых суждений, услышанных ею сегодня, она должна верить?

Истина ускользает от нас,
Дверями мудрости войти тяжело.
Сутра Черного Лотоса

В сумерках эдоское небо подернулось переливчато-розовым и аквамариновым. Зажглись огоньки за бумагой окон, у соседних ворот, во дворах молелен, в лодках на мерцающей черной ленте реки. Над замком Эдо вошла луна – огромная и сияющая, как большая серебряная монета, истертая по краям. За воротами усадьбы Сано, освещенными факелами, раздался перестук копыт конной стражи, доставившей паланкин Рэйко к самому особняку.

Едва его хозяйка ступила на землю, как входная дверь рывком распахнулась и появилась служанка О-хана.

– Хвала небесам, вы вернулись!

На Рэйко напала тревога. Она бросилась в дом.

– С Масахиро что-то случилось?

– Маленький господин так скучал по вас, что весь день ныл и плакал. О-аки говорит, что он отказывался от груди и ни на минуту не сомкнул глаз.

О-аки звали их кормилицу.

Рэйко поспешно скинула сандалии и бросилась в коридор. Пока она разъезжала где-то, ее любимому сыночку было голодно и плохо. Теперь и до нее долетели отголоски нескон-

чаемого, горестного не то плача, не то воя. Рэйко ворвалась в детскую и застала там старую О-суги, нянчившую Масахи-ро на руках.

– Ну-ну, малыш, – приговаривала она.

Тот отбивался. Наконец О-суги заметила Рэйко.

– Смотри, Масахи-ро-тян, – сказала она с явным облегчением. – Вот и мама!

Завидев мать, мальчик резко умолк. Его глазенки смотрели на нее не мигая. Рэйко, увидевшая сына после долгой разлуки, засмеялась от радости, наклонилась и взяла крепыша на руки, прижалась щекой к его пушистой головке.

– Золотко мое! Как я по тебе соскучилась! – прошептала она.

Но Масахи-ро вдруг снова разревелся.

– Что не так?

Недоумевая, Рэйко взглянула на сына и прочла на его личике выражение крайней обиды. Она попыталась утешить его, но добилась лишь того, что малыш зарыдал пуще прежнего, то и дело срываясь на визг. При этом он изо всех сил отпихивался от нее и сучил ножками.

– Маленький господин просто устал и капризничает, – сказала О-суги. – А теперь вот довел себя до истерики.

– Нет, это он злится на то, что я его бросила! – Перемена в сыне стала для Рэйко последней каплей, и она расплакалась, крепко стиснув орущего и корчащегося Масахи-ро в объятиях. – Все хорошо. Я с тобой, – бормотала она.

Ей вторили О-суги и служанки – кто прибаутками, кто увещеваниями. Раскрасневшийся Масахиро махал на всех кулачками и истошно вопил. В перерывах между его криками Рэйко слышала звук отворившейся двери и мужской говор в передней. Сано вернулся.

Встревоженный стоящим в доме плачем, он побежал по коридору. Неужели что-то стряслось с Масахиро? Сано влетел в детскую. Обнаружив сына на руках у жены, он немного успокоился, но Масахиро ревел по-прежнему, да и Рэйко выглядела заплаканной.

– В чем дело? – Сано опустился с ней рядом. – Он поранился?

Насилу удерживая извивающееся чадо, Рэйко вымученно улыбнулась и прокричала, заглушая шум:

– Нет, просто раскапризничался.

Сано заметил на ней дорожную накидку. Его страх за сына исчез, сменившись беспокойством о жене.

– Неужели ты вернулась только сейчас?

– Да.

– Ты ведь собиралась поехать в Дзодзё еще утром. Что тебя задержало? С тобой что-то случилось?

Масахиро на миг прервал истерику. Он поднял припухшее личико в разводах слез, слюны и соплей и озадаченно воззрился на родителей, но тут же испустил оглушительный вопль и рванулся к Сано. Тот подхватил его с материнских рук и приютил на груди, взмокшего и взбудораженного.

– Я разговорила Хару, – ответила Рэйко. – После того, что она сказала, мне потребовалось еще кое-что выяснить.

От неловких укачиваний отца Масахиро опять раскрылся. В конце концов Сано сдался и препоручил его нянькам, а жене сказал:

– Поговорим в другом месте.

Они перешли в гостиную. Там стоял холод – угольные жаровни не горели. Подвесные фонарики качались на сквозняке. Из детской доносилось приглушенное нытье Масахиро. Рэйко объяснила, что Хару не была знакома с жертвами и не помнит ничего о пожаре или о том, каким образом оказалась у хижины. Затем она описала ушибы и ссадины на теле девушки.

– Я считаю, что Хару подставили. Она боится, что на нее нападут снова, боится участи поджигательницы. И ей даже не к кому обратиться за помощью. – Срывающимся от сопереживания голосом Рэйко рассказала, как умерли родители Хару, как займодаделец отобрал их закусочную в Кодзимати. – Я обещала ей, что попробую снять с нее подозрения и найти настоящего поджигателя.

Рэйко, несомненно, прониклась симпатией к Хару, которая не позволяет ей разглядеть в сироте возможную преступницу, подумал Сано.

– Поздравляю, тебе удалось разобраться с ее немотой, – сказал он, направляя беседу в то русло, где, как Сано боялся, их мнения могут разойтись. – Однако прежде чем делать вы-

воды насчет Хару, нужно рассмотреть и другие показания.

– Какие показания?

Рэйко насторожилась. У Сано потяжелело на сердце, едва он понял, что Рэйко огорчил его отказ признать невиновность Хару. Ему стало жаль посвящать жену вто, что ей скорее всего будет нелегко услышать.

– Я виделся с семьей начальника Оямы, – сказал Сано и описал встречу. – Рассказ старшего сына о том, как Ояма пытался свести его с Хару... Она знала по меньшей мере одну из жертв, хотя утверждала обратное.

Рэйко не переменяла ни позы, ни взгляда, хотя Сано почувствовал, сколь неприятна для нее эта новость и сколь горька мысль о том, что Хару ее обманула.

– Сын Оямы требует крови в отмщение, и не важно чьей, – заметила Рэйко. – Может, он выдумал эту историю о Хару, зная, что та в числе подозреваемых.

– Точнее, в единственном числе, – поправил Сано. – Смерть Оямы принесла его семейству множество бед и лишила их наследства. Мои сыщики целый день провели в храме и не нашли доказательств чьего-либо, кроме Хару, участия в деле.

– Если твои люди ничего не выяснили, это еще не значит, что других доказательств и подозреваемых не существует, – возразила Рэйко. – Секта Черного Лотоса сильно выигрывает от кончины Оямы, притом старается подчинить себе следствие и обвинить Хару. После беседы с ней я отправилась в

храм, где меня уже поджидали. Я хотела расспросить монахинь и сирот в монастыре, но настоятельница меня и близко к ним не подпустила. Да и сыщикам повезло не больше – священники Черного Лотоса ходили за ними как тени.

– Должно быть, просто хотели помочь следствию, – сказал Сано, встревоженный тем, что жена зашла так далеко. – Вчера они показались мне весьма предупредительными.

Однако Сано невольно задумался: не затем ли духовенство секты оказало им такой теплый прием, чтобы скрыть некоторые подозрительные факты? Неужели Черный Лотос впрямь хочет запутать следствие? Мысль эта не давала Сано покоя, усугубив его тревогу в отношении поступка Рэйко.

– Не надо было тебе ходить в храм, – заметил он. – Твое вмешательство может осложнить мне работу и навредить отношениям с сёгуном.

– Прости, – виновато промолвила Рэйко.

– Вдобавок, если убийца действительно на свободе, разгуливать вокруг храма одной просто опасно. – Увидев, как Рэйко нахмурилась, он продолжил: – Доктор Ито дал мне свое заключение по поводу жертв преступления. Так вот, все трое были убиты перед пожаром. У ребенка была сломанная шея. А при жизни его мучили и морили голодом.

Рэйко в ужасе отшатнулась.

– Какой кошмар, – прошептала она. По дому разносилось хныканье Масахиро. Потом Рэйко, усвоив новости, насторожилась и спросила: – А могла ли тщедушная девочка размоз-

жить голову мужчине, удавить женщину и поднять руку на ребенка, и все в одну ночь, не говоря уже о том, чтобы перетаскать их тела в дом и поджечь? При каких обстоятельствах сирота из приюта могла заморить мальчика голодом и побоями? Открытия доктора Ито скорее подтверждают версию, что убийца не Хару.

С этим Сано было трудно поспорить. Картина, нарисованная Рэйко, и впрямь выглядела невероятной.

– Сейчас слишком рано отметить какие бы то ни было версии, – ответил он, пытаясь избавиться от предубеждения. Возможно, он был не прав насчет Хару, несмотря на услышанное за день.

– К слову, о других подозреваемых: доктор Мива и настоятельница Дзюнкецу-ин могут составить Хару компанию. С ними что-то неладно. – Рэйко описала недобрую парочку. – Оба знакомы с Оямой, оба очень живо представили алиби и еще живее – свидетельства против Хару.

Она рассказала, как доктор и настоятельница представили Хару смутьянкой, страдающей от душевной неуравновешенности, лживой развратницей, которая ночи напролет шаталась по округе и, наконец, подожгла дом в отместку за понесенные наказания. Сано мысленно примерил описание к Хару и пришел к выводу, что недостатки тут явно перевешивают достоинства. Вслух же он осторожно сказал:

– А что, если доктор и настоятельница правы насчет ее?

– Я им не верю. Накануне Хару кто-то бил и истязал. Воз-

можно, это их рук дело.

Рэйко говорила твердо, прислонившись к перегородке. Сано понял, что обсуждение личности Хару только склоняет ее занять сторону девушки. Он с горечью наблюдал, как совместное расследование не делает их ближе, даже наоборот – разделяет.

– По-твоему, она виновна, так? – спросила Рэйко.

– Этого нельзя утверждать, пока все детали не выяснены, – ответил Сано, чувствуя, впрочем, что жену не убедили его уклончивые слова. – Сейчас у нас нет оснований полагать, что кто-либо, кроме Хару, имел достаточный повод для убийства.

– Основания есть. – Ободрившись, Рэйко поведала о своей встрече с монахом.

Сано качал головой, отказываясь верить услышанному.

– Не может этого быть. Действительно, нет закона, запрещающего строить подземные сооружения при храмах, коль скоро они не выходят за границу комплекса, но работ подобных масштабов секта не смогла бы утаить. Все духовенство находится под строгим надзором бакуфу. Чиновники из министерства святилищ и храмов ведут регулярный осмотр храмов. Они обнаружили бы застенки и признаки истязаний послушников и сирот и разогнали бы секту. К тому же мэцукэ следит за любыми действиями, представляющими возможную угрозу для страны¹¹. Священники, которые забра-

---

¹¹ Мэцукэ – служба разведки сёгуна – внедряла своих шпионов повсюду. – При-

ли монаха, сказали, что он сумасшедший. Вот и подходящее объяснение его рассказам.

Рэйко вздернула подбородок.

– То, что ребенок из хижины терпел голод и побои, подтверждает его историю. К тому же он дал нам ключ к установлению личности убитой. Есть мысли получше?

– Нет, – признался Сано. – Хирата проверил донесение о сбежавшей жене с Суруга-дай. Только что он сказал, что нашел ее там в добром здравии – она вернулась обратно. Но поиски только начались. Может, погибшая в самом деле была сестрой Истинного Благочестия, а может, и нет. Не будем делать скоропалительных выводов. – Он обнял жену за плечи и произнес: – Прошу, не спеши верить одним и отвергать мнение других и тем более принимать сторону подозреваемых.

Рэйко, вздохнув, согласилась, но с оговоркой:

– Ты сам сказал, что еще рано отметить какие бы то ни было версии. Если есть хоть малейшая вероятность правоты монаха в отношении секты, мы должны ее проверить. Поэтому я предлагаю нам вместе вернуться поутру в храм – отыскать Истинное Благочестие и проверить то, о чем он говорил.

Сано простонал. Ох уж эта женская манера: ловить на слове и обращать сказанное в свою пользу! Вот и сейчас разговор свелся к тому, чтобы позволить Рэйко с головой влезть в расследование.

– Если что и нужно выяснить в храме, то это моя забота! – отрезал Сано. Он терпеть не мог разочаровывать жену, но втягивать ее в опасности или позволять вводить следствие в заблуждение ему хотелось еще меньше. – Ты допросила Хару. Твоя задача выполнена.

– Хару должна ознакомиться с показания Дзюнкецу-ин, доктора Мивы и сына Оямы на свой счет. По ее виду мы поняли бы, кто из этих четверых сказал правду. Вдруг завтра к ней вернется память? Тогда она сможет дать больше сведений о пожаре и о двух неопознанных жертвах, – предположила Рэйко. – А кроме меня, она ни с кем говорить не станет.

Сано не мог не признать убедительности ее доводов. Хару, кем бы она ни была, являла собой ключ к решению загадки. Ему по-прежнему требовалась помощь Рэйко.

– Так и быть, – сказал Сано. – Навести ее снова. Однако я вынужден взять с тебя слово, что ты ограничишься Хару и будешь держаться подальше от храма Черного Лотоса.

Рэйко насупилась, словно готовясь возразить, но после по-детски слукавила:

– Обещаю, если ты пообещаешь мне лично проверить слова Истинного Благочестия.

Дело грозило перерасти в битву характеров, и это пугало Сано. Ради предупреждения семейной междоусобицы он решил переломить себя и пойти на попятную.

– Отлично, – сказал Сано. – Ты займись Хару, а я поищу застенки, подземные норы и следы злодейского заговора. –

Помолчав, он добавил: – По-моему, нам обоим нужно расслабиться. Как насчет горячей ванны перед ужином?

Рэйко кивнула, натянуто улыбнувшись. Сано же, ведя жену по коридору, твердил себе, что дело не нарушит их семейной гармонии. Все будет хорошо.

Средствами, данными мне,
Я исторгну все сущее из пропасти
заблуждений
И велю следовать закону
Черного Лотоса.
Сутра Черного Лотоса

Дальний звон колоколов возвестил приход зари. Босоногая, в белом кимоно и шароварах, Рэйко стояла в саду, держа за рукоятку меча на поясе. Лицо ее было обращено к блеклому небу с ползущими по нему тучами. В усадьбе царили тишь и полумрак. В воздухе повисла влага, на траве посверкивали капли росы. Рэйко сосредоточила мысли на энергии, растекающейся по телу из жизненного центра в середине живота. Одним резким движением она выхватила меч и принялась размахивать им, разя и уклоняясь от невидимого противника. Поначалу меч казался ей непокорным, а движения давались с трудом после долгих недель без тренировок. Скоро ее одолела одышка, она взмокла, однако почувствовала, что к ней возвращаются прежние навыки.

Рэйко дала зарок практиковаться ежедневно, как делала до беременности. Этот ритуал принес ей успокоение и укрепил силы. Теперь можно было трезво обдумать их с Сано вчерашний разговор. Она наконец поняла, откуда взялась ее

тяга к опровержению веских доводов против Хару.

Доказательство собственной правоты стало для нее делом чести. Рэйко по-прежнему полагалась на свой ум и интуицию, хотя знала, что не может действовать в угоду себе. Ее вера в невиновность Хару подпитывалась подозрениями в адрес Черного Лотоса.

Рэйко развернулась, нырнула под воображаемый удар и рассекла свою неуверенность, вставшую перед ней стеной. Они с Сано распутают это дело и представят убийцу суду. Вместе.

* * *

Когда Рэйко прибыла в монастырь храма Дзодзё, одна из сестер доложила ей, что Хару в саду.

Оставив спутников у ворот, Рэйко взяла привезенный с собой сверток и обошла строение. Галечная дорожка и пожелтевшая трава выглядели уныло под пасмурным небом. Ветерок принес запах дождя, и монахини засустились, снимая вешенное для просушки белье. Внезапно Рэйко услышала голос Хару, визгливый, испуганный, а следом грубый мужской окрик. Она обежала небольшую шеренгу сосен и у маленького пруда в огороженном садике увидела Хару, прильнувшую к большому валуну. Какой-то священник склонился над ней, уперевшись обеими руками в каменную глыбу.

– Отстаньте!

Хару пыталась вывернуться, но человек крепко прижал ее к камню. Он был рослый и жилистый, лет сорока; на голых руках и шее вздулись тугие мускулы. Еще у незнакомца был низкий, покатый лоб, широкий нос, полные губы и выступающий подбородок!

– По-хорошему ты не захотела! – прорычал он. – А теперь мое терпение лопнуло!

Он сомкнул свою лапищу у Хару на шее и сжал. Девушка резко подалась назад и сильно ударилась головой о камень.

– Спасите! – закричала она.

Рэйко выронила сверток, метнулась вперед и схватила священника за руку. Та оказалась горячей и твердой, словно металл из горнила.

– Что вы делаете? – Рэйко смогла разглядеть шрамы, исполосовавшие лысину незнакомца. Самый заметный из них шел от угла глаза и поперек уха, заканчиваясь выпуклым наростом, напоминающим ящерицу.

Рэйко содрогнулась от отвращения, сию же минуту оттащить священника от девушки.

– Прекратите!

Он уставился на нее сверху вниз. Вокруг его рта пролегли резкие морщины. Глубоко посаженные глаза угрожающе смотрели из-под насупленных бровей. Священник взмахом руки отшвырнул Рэйко в сторону. Затем снова повернулся к Хару, еще сильнее сжав ей горло.

Крики Хару перешли в полузадушенный сип, она впиалась ногтями в руки у своей шеи, но все было тщетно. Взбешенная Рэйко вытащила из рукава кинжал и ткнула сектанта острием в спину, приказывая отпустить девушку.

Священник даже не поморщился. И кровоточащие царапины, оставленные Хару, казалось, нисколько его не беспокоили.

– Ты подожгла дом, – проскрежетал он, нависая над Хару. – Сознайся!

Лицо девушки побагровело, глаза в ужасе закатились. Потом до Рэйко долетел ее еле различимый хрип:

– Нет...

Рэйко не хотела нанести вред священнику, но иного способа спасти Хару не видела.

– Стража! – вскричала она. Прибежали пятеро ее спутников. – Взять его!

Усилиями телохранителей бонза мгновенно оказался прижатым к земле. Хару съежилась у валуна, держась за шею и кашляя.

– Он не причинил тебе вреда? – спросила Рэйко, тронув девушку за плечо.

Губы Хару дрогнули в благодарной улыбке, она покачала головой. Тогда Рэйко нагнулась над священником и приставила кинжал к его горлу.

– Кто вы такой? – сурово спросила она.

Повернув голову набок, служитель смерил Рэйко презри-

тельным взглядом, как будто не он оказался в ее власти, а наоборот.

– Спрячьте нож, – произнес он. – И велите меня отпустить. – По его тону явствовало, что он не скажет ни слова, пока она не подчинится.

Рэйко убрала кинжал в ножны, укрепленные на руке, и кивнула стражникам. Те рывком подняли священника на ноги и окружили его плотным кольцом на случай, если он решит напасть снова.

– Кто вы? – повторила вопрос Рэйко.

– Меня зовут Кумасиро. – Он устремил на нее злобный немигающий взгляд. Его голос звучал подобно рокоту землетрясения.

– Из храма Черного Лотоса?

Священник коротко кивнул, но скривился в презрительной усмешке.

– А вам-то какое до этого дело?

– Я Рэйко, жена сёсакан-самы, главного следователя при сёгуне, – ответила она, замечая оттенок тревоги в глазах Кумасиро. – Я уполномочена расследовать недавний пожар. В какой должности вы состоите?

– Я заместитель первосвященника Анраку и его старший помощник в делах внутренней безопасности.

Рэйко показалось странным, что буддийский храм действует по военному образцу, а также имеет штат охранников. Не связано ли это как-нибудь с подземным строительством,

узниками и тайными замыслами?

– Вы были самураем? – спросила Рэйко, попробовав связать воедино его шрамы, фигуру и высокомерие.

– Да.

– Кому вы служили?

– Мой род предан властителю Мацудайре, даймё провинции Этиго.

– Что вы здесь делали с Хару? – Рэйко повела рукой в сторону сироты, которая съежилась у каменной глыбы, кусая ногти.

Кумасиро окинул Хару презрительным взглядом.

– Допрашивал ее о пожаре.

– Сёгун поручил моему мужу вести следствие по этому делу, – произнесла Рэйко, подавляя гнев. Кроме того, что Кумасиро, несомненно, принадлежал к типу мужчин, не считающих женщин за людей, Рэйко ощущала в нем безграничную ненависть к ее полу. – У вас нет права вмешиваться.

– Я слежу за порядком в Черном Лотосе, – ответил Кумасиро, – стало быть, все, кто покушается на его членов или собственность, имеют дело со мной. – Он жутковато осклабился, показав неровные зубы. – Вы избавите мужа от многих хлопот, если уйдете и оставите Хару мне. У меня она живо сознается, а сёсакан-сама получит того, кого искал.

"Вот и еще один, готовый свалить все на Хару".

– Откуда вы знаете, что Хару виновна? – спросила его Рэйко. – Где были вы в момент совершения убийств?

В глазах Кумасиро промелькнуло удивление – священник явно угадал ее намерение представить его главным подозреваемым.

– После заката я, как обычно, осматривал храмовую территорию, а остальную часть ночи провел у себя в помещении. Мои помощники подтвердят это – они постоянно со мной.

"Очередное сомнительное алиби, которое нельзя опровергнуть", – уныло подумала Рэйко.

– Хару призналась, что выходила из приюта на встречу с начальником Оямой, – продолжал Кумасиро с вызовом. – А еще призналась, что они были любовниками, а тот дом выбрали местом своих порочных игр.

Для Рэйко его слова были как удар в живот. Даже если Кумасиро вынудил Хару сделать такое признание, рассказ сына Оямы о ее связи с убитым подтверждал эту версию.

– Это правда? – обратилась к ней Рэйко, предчувствуя недоброе, – Ты встречалась с Оямой в доме, где он погиб?

Девушка уронила голову. Ее неподвижная, безмолвная фигура с лицом, скрытым за длинными прядями волос, казалась живым воплощением вины. У Рэйко похолодело в груди.

– Она захотела стать женой могущественного чиновника, потому и соблазнила Ояму, – сказал Кумасиро. – А когда выяснила, что у него и в мыслях не было жениться на ней, со злости прикончила.

Перед глазами Рэйко предстал Хару, гневно плюющая Ояме под ноги. Картина была столь же реальной, как если бы она присутствовала при описанной Дзинсаем сцене. Ей тотчас вспомнилось, как настоятельница обвиняла Хару в со-
вращении послушников. Так Ояма использовал Хару или же, наоборот, она потворствовала ему в собственных интересах, а потом, когда ее план провалился, пошла на убийство?

Рэйко пришел на ум бутон лотоса, раскрывающий лепесток за лепестком – то белый, то черный, и так до самого центра, где пряталась Хару. Каждая крупца сведений дополнялась или опровергалась следующими, в свете которых Хару выглядела то преступницей, то жертвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.